

П. И. СУМАРОКОВ

Старый и новый быт

Осуждать все в прошедшем, например, что греки натирали маслом свое тело, что римляне не имели кресел, стульев, обедали лежа на постелях, одевались, убирались иначе, и тому подобное — было бы совершенное незнание хода времени и народов. Каждое столетие разнится своими обычаями, образом жизни, понятиями, и что мы нынче считаем превосходным, то, без сомнения, показалось бы странным, смешным в древности; потомки наши станут тоже порочить нас во многом. Могло быть, что Аспазия в тюнике превзошла бы красотой Дюбари и Помпадур в их робах с длинными хвостами; и Алкивиад¹ в тоге был статнее, пригожее первейшего «льва» нашего в сюртуке по колено. На свете все внешнее изменяется, все мимоходное, постороннее; одни добродетели или пороки составляют неотъемлемую собственность нашу.

Повсюду последовали великие перемены, у одних медленно, у других только в частях, а где еще и теперь сквозит старина. В России в течение 50—60 лет все предстало в совершенно ином виде, и воскресшие деды наши не узнали бы своих внуков. Мы с примесью английского, немецкого, французского являемся новым, чудным народом и ходим на монету, которая от частого трения с другими монетами теряет на себе чекан, и уже не разберешь по подписи, какого она достоинства.

Мало осталось очевидцев такому, едва вероятному перевороту, и я из них в живых, спешу описать старину, чтоб не покрылась она забвением. Я изложу ее со строгим беспристрастием к прошедшему и без желчи к настоящему. Я ни в кого не целю, и не до всех касается осуждение, а тот, кого поранит пущенная стрела, не должен сердиться за правду. Начнем.

СЛОЖЕНИЕ ТЕЛА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Крепость тела, высокий рост, свежесть лиц — это был общий дар природы русской. Встретить мужчину, даже дворянского сословия, в 10 вершков, молодую женщину с розовым румянцем — было дело самое обыкновенное. Причины очевидны: не стягивали себя шнуровками, не сидели за полночь за картами, не томились на балах, вставали рано, без зевоты, усталости, бессонницы и не употребляли пряностей, сложности аптекарской, что все подрывает здоровье. К этому должно еще прибавить несмешение русской крови с чужеземною; русские женились на русских.

И то правда, тогдашние шестидесятилетние входили уже в число пожилых, а нынешние сверстники их, с прикрасами, стоят наряду с молодыми.

А теперь, — сознайтесь — не большая ли часть мужчин тощи, малорослы, и тридцатилетние не походят ли на мальчиков, детей? Не все ли почти женщины бледны, желты и пригожи только при свечках, и можно смело объявить, что из сотни женщин три-четыре без припадков: жалуются то на вертижи, удушье, головные боли, то на ревматизмы, на *tic douloureux* *. Не отыщите также из сотни двух, которые питали бы грудью своего младенца: этим вредят и себе, и готовят целое поколение страдальцев, не слуг Государю и отечеству.

Тогда доживали до 80—90 лет, а теперь то и дело наполняют кладбища юношами. Они носят уже яд внутри себя, и нет надежды к изменению от заблуждений; мода одолевает рассудок.

Воспитание, научение и образование совершенно между собою различны, и погрешительно принимают их за одно и то же. *Воспитание* состоит в охранении здоровья и в простом подготовке детей. *Научение* заключается в преподавании наук, языков или художеств и называется просвещением. Наконец, *образование* практически развивает веру, добрую нравственность, любовь к отечеству, честь, уважение собственного звания, оно дает прямых граждан, оно — отделка людей. Когда с образованием соединяется научение, человек действительно совершенствуется. К сожалению, большая часть обольщается одним научением, оставляя сердце, чувство без внимания: оттого встречаем сотни полу-профессоров и единицы образованных.

* болезненный тик (фр.). — *Ред.*

Великие писатели древности во всех родах пресеклись, и падение Греции, потом Рима погрузило Европу в грубое невежество, что продолжалось несколько столетий. Потом, хотя свет и мелькал кое-где, но не прежде XIV века последовало переселение наук, художеств и словесности в Европу.

Мы, русские, находились тогда под владычеством татар, которое не только остановило, а еще отодвинуло назад научное просвещение наше; <зато сердечную образованность далеко двинуло вперед>.

Мы отстали от других народов. При Петре Великом научное просвещение было лишь посеяно; зато процветало духовное красноречие, и Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Гедеон² гремели со славою на кафедрах.

В царствование Императрицы Елисаветы Петровны³ явилось чудо, нигде не бывалое. Повсюду писатели следовали за предшественниками, улучшались друг от друга и возвышались постепенно. Напротив, у нас, когда язык был еще не очищен, не утвержден, когда нестройный гул Телемахида⁴ признавали за отличное произведение; вдруг два гения, Ломоносов и Сумароков⁵, без образцов, без проводников, смело совершили путь, покрытый дьябрями и пересеченный скалами. Они заговори языком новым, до того неизвестным. Первый воспел величие Божие, хвалы Императрице стихом Пиндара⁶. Другой на Невских берегах положил прочное основание русской трагедии, русской драме. Оба они велики, бессмертны, и мимоходные журналисты не подкопаются под их заслугу и славу.

Екатерина Великая, благодетельница России, покровительствовала наукам, сама писала и давала всему жизнь. Она учредила Академии: Российскую, Художеств, второй кадетский корпус, Смольный монастырь для благородных девиц, Гимназии и народные училища. При ней явились Державин, Херасков, Богданович, Петров, Фонвизин, Мацков, Елагин, Хемницер, Николаев, Горчаков, Капнист⁷ и другие; от сей-то мудрой Государыни зачислилась истинная эра нашего просвещения.

Со всем тем оно еще теснилось в ограниченных пределах: вельможи, царедворцы, путешествовавшие говорили, писали превосходно по-французски. Но не то происходило в отдалении от трона. В Москве из пожилых барынь многие не знали грамоте, с трудом читали, выставляли свои имена какими-то иероглифами, и за многих подписывали их дочери. Во всей Москве не отыскали бы полсотни хорошо знавших иностранные языки; родственница моя К. Н. А. Г. слыла ученою только потому, что чисто объяснялась по-французски. Она, не понимая, что такое геогра-

фия, грамматика, история, толковала невпазд о глаголах, падежах, о Кире, Александре Великом⁸. У нее Волга была в Бахчисарае, Темза — в Царь-Граде. Между слепыми и кривой — зрячий.

Учебных заведений в Москве было очень мало; только университет и с десяток вольных пансионов, с платою за полное содержание по 150 рублей в год: словом, просвещение, говоря о итоге, находилось еще в младенчестве.

Коснувшись этого, войдем в некоторые подробности. Как ни благотворно просвещение, но в наши бурные времена с ним надо поступать как с огнем; одна искра, не туда заронившаяся, может произвести большой пожар. Надобно знать кому, кого, чему учить; надзирать более за наставниками, нежели за учащимися, и не дозволять чистую реку познаний претворять в мутные, зловредные ручьи. Не всякий желудок переварит тяжелую пищу, и не всякая голова пригодна к одному и тому же просвещению. Иные проповедают противное, то есть общее безусловное просвещение, без которого будто и дышать нельзя свободно. Подумаешь, что они хотят смешать все сословия, раздуть возмущения, чтобы самим среди безначалия продрагаться сквозь толпы. Взгляните на Францию, где кучер читает газеты, поденщик, горничная справляются, что делается в Америке. И что же там? Развращенные нравы, убийства, измены, тревоги и междоусобия. Поселяне без руководителей предпочтут вольнодумные, потрясающие веру книги поучительным, соскучатся своим знанием, захотят в патриции. Если все начнут обозревать небеса, течение планет или разбирать химические процессы, — прощай нивы, жатвы; и сельские мудрецы первые перемрут с голода или пустятся на аферы, на грабеж. Благосостояние и твердость государств состоит в разнообразных степенях от сохи до трона. Одни пашут землю, другие дают суд и правду. Эти у алтарей прославляют величие Божие и поучают богопочтению, те с оружием в руках защищают отечество, купец переплывает моря, ученые занимаются усовершенствованием наук, новыми открытиями, изобретениями, и части, сливаясь воедино, производят прекрасное стройное целое. Выньте из них одно звено, и громада покровится, упадет. Неграмотный крестьянин, твердый, без умствования в вере, добрый сын, муж, добрый отец, гражданин несравненно полезнее вольнодумного писателя и философа наизнанку. Полупросвещенный, совратясь с пути правого, повлечет за собою других.

КАЧЕСТВА

Недостаток в просвещении наших дедов вознаграждался высокими доблестями и простотою сердца. Веру соблюдали твердо и не пускались в изыскания того, что закрыто от людей. Накануне воскресных, праздничных дней в три, четыре часа за полночь весь дом был уже на ногах, карета стояла у крыльца, будили детей, везли их с собою в церковь; потом, по первому колоколу, спешили с ними к обедне, это укореняло набожность в юных сердцах. Строго соблюдали посты, и по средам, пятницам, не ели скоромного, в полном убеждении, что повиновение церкви выше всяких жертв и подвигов. На первой и страстной неделе горшочки с грибами, кашами, горохом, киселями загромождали стол, и пышки с патокою составляли лакомое кушанье.

Сказав, что худые книги развращают простолюдинов, приведем в подкрепление то, что и люди первой учености заблуждались от ложных понятий. С начала XV столетия человекоучители Гус, Иеремия Пражский, Лютер, Цвингли, Кальвин, Генрих VIII⁹ и другие, можно сказать, раскололи церковь, учредили новые исповедания, но не оживили веры, а только ослабили узду страстей и самовольства. Бель¹⁰, родясь кальвинистом, сделался протестантом для того только, чтоб все опротестовать, доказывал сегодня одно, завтра противное, поддерживал манихеев, даже эпикурейцев, атеистов, и стремился к уничтожению христианской веры. За ним предстал фернейский враль, бич человеческого благоденствия — Вольтер¹¹. Он, к несчастью, уважаемый венценосцами, дерзнул открыто в печати порицать учение Спасителя мира, и своего. Ядовитыми насмешками колебал умных, обратил к безбожию слабых и разлил яд по всей Европе, показав в себе достойного представителя своего века. Презренные ученики его Дидерот, д'Аламберт, Гельвеций¹², энциклопедисты и другие, обольстили бредом своим толпы слепствующих.

«Это не естественно, это не вероятно, это не нужно», — говорят зараженные ересью. Но что значат их слова: «Я не верю, я не понимаю?» — понимают ли они, из чего составлен воздух, которым дышат, отчего пахнет роза, отчего собственная рука, нога их без напряжения, по их воле движется, поднимается, и что такое душа в них? Легче червяку познать состав своей кучи, нежели человеку постичь тайны Всемогущего.

Если бы достоверность заключалась только в очевидности, то оставалось бы верить одним своим собственным действиям, что я спал, ел, ходил, а все, бывшее в отдаленной древности, принимали бы за сказки, выдуманные для забавы. Мы не видали ни

Александра Македонского, ни Юлия Кесаря, ни Фидия, Праксителя¹³, и по преданиям историков верим и тому, что они существовали, и тому, что один завоевал то, другой — другое, и тому, что Фидий чудесно изобразил резцом Юпитера, Пракситель — Венеру; — почему же не верить событиям, засвидетельствованным людьми, избранными от Бога, более всего и прежде всего не способными лгать и подтвержденные единогласно из рода в род мужами, прославившимися мудростью, святой жизнью и правдивостью? Почему эти историки хуже тех?

Кто верит наполовину, тот ни к какой вере не принадлежит; и самое ослепление происходит от невежества, самонадеянности, неблагодарности и лени рассуждать. Вглядитесь в подобных людей: не найдете ни в одном из них мирной, успокоенной души. Его вечно грызет что-то внутри, он во славе пасмурен, при богатстве не доволен и не может быть счастливым. Он носится по черным волнам неуверенностей, мечтаний, не видит спасительных берегов, приюта, где бы отдохнуть тревожной мысли его, внутри его вечный враг — он сам, и вечная вражда — с самим собой.

Маркиза Креки сказала: «Никакое рассуждение скептиков не равно сильно с постановлениями церкви. Люди от природы склонны не верить ничему или верить только тому, что перед глазами, под их рукою... не хотят верить слову (*verbe*), а верят всемогуществу Калиостро¹⁴. Дерзают опровергать откровения с небес, возвещенные в священных книгах, и уважают бред в *bouquin jaune*» * и проч.

Вот, явились и у нас поклонники Вольтера, открыто щеголяли нечестием, и все из-за чего? — они бились не из большего: только бы отличиться от других, пощеголять красноречием; когда же адский проповедник их исчез с лица земли, они образумились, замолкли и стыдились своей минутной одурелости. За ними следовали иного рода философы-самозванцы, мечтали за шампанским о том, как восстановить небывалый храм премудрости, а глупенькие богачи платили за опорожненные бутылки. Сколь ни сильны были потрясения вере, но она и не пошатнулась, восторжествовала, и восстановился мир. Суеверие жалко и смешно, неверие презренно.

С 1812 года, когда бедствие висело над головами нашими, вера, особенно в женщинах, более утвердилась. И вы видите в церквях барынь первого разряда на коленах, с молитвенниками в руках. Правда они всегда и везде опоздают, змейки на висках требуют много времени, но мысли их очистились, они вошли в

* желтой книге (*фр.*). — *Ред.*

самих себя. Не то скажем о мужчинах; они, хорошо приготовленные лишь в науках, искусствах, худо образуются в вере, и оттого позволяют себе толкования, не сообразные с истиною, хотя казаться саддукеями и фарисеями нашего века.

В старину были сострадательны; нищие не отходили от окон их с пустыми руками; наделяли их по грошу, по копейке *, ломтями хлеба, и поношенными рубашками, башмаками, чулками; во многих домах содержали сирот, и целые семейства бедных. На масленице, готовясь к посту, ездили примиряться в раздорах с родственниками, приятелями, служители ходили с пряниками, с кренделями тоже просить прощения у знакомых. Обычай честный и прямо христианский!

Нынешнее поколение не уступит в человеколюбии предшественникам. Вспоможения делают не копейками, иногда сотнями рублей, ходатайствуют за безгласных, готовы на всякое богоугодное дело.

До сих пор все пока относилось к похвале нашего поколения; но вот и упреки: нынче сплошь увлекаются пустым тщеславием, променивают золото на мишуру. В одежде это хорошо, к чему и впрямь губить невосвратно драгоценность; но душу следовало бы, наоборот, наряжать вместо мишуры золотом.

Тогда хранили честность, как некую святыню, признавали ее простою обязанностью, принадлежностью русского народа, и передавали ее вместе с наследством из рода в род. Нарушить обещание, не заплатить долга в срок считали за бесчестие, за посрамление имени своего: за грех перед Богом. Ссужали деньги в заем без залладов, без векселей, на слово, и выражение *«да будет мне стыдно»* служило ручательством надежнее всякого документа. Не опасались обманов, процессов, не было злоумышленных банкротов, конкурсов, и гривна не заменяла рубля, алчные промышленники не подрывали семейств, и выходцы из купцов, мещан не присваивали себе достояния мужей именитых. Правительство полагалось вполне на честность дворян и не предпринимало форм предосторожностей; тогда слово — было дело, а теперь дело вышло — письмо: стали заслугу свою мерять возами исписанной бумаги, а не счетом хорошо, честно и скоро исполненных дел. Теперь, приказ словом — исполнитель отопрется, выполни по слову — повелитель отопрется, если чуть окажется не так. Смотришь, без бумаги ни на шаг: зато и делай что хочешь — отпишешься! А не отпишешься, так выждешь: «Время все поглощает, и худо и добро!»

* За грош человек был сыт.

При учреждении в 1754 году первого банка из 175 тысяч рублей, количества против нынешних банков весьма скудного, довольствовались только объявлением, где состоит имение заемщика и двумя поручителями по нем. Так продолжалось до основания в 1786 году Екатериною Великою нового банка из 33 миллионов рублей, по 5, и уплатою из них 3-х процентов. Вкралась роскошь, недоставало доходов на пустые желанья, стали обманывать, и один заложил вместо деревни улицу Шаболовку в Москве. С того времени доверенность к заемщикам померкла, постановили уже требовать свидетельства от гражданских палат, и честность их подчинилась справкам, надзору секретарей.

Очевидность доказывает, что благое намерение правительств обратилось во вред обществу. Чем легче средства не к добыванию, а к получению денег в руки, тем более искушений; закладывают маетности для вещей, без которых могли бы обойтись; для новых экипажей, мебели и тому подобного, и разоряются. Из сотни собственников едва ли пять не под запрещением; честь обветшала, вышла из моды. Скачут по городу со свидетельствами в кармане, но шкатулки богачей не раскрываются. Дадите деньги, и вместо процентов наживете хлопоты. По миновании срока вы пишете, побуждаете; вам не отвечают. Встретитесь с должником; он божится, уверяет, что приедет на днях, расплатится, голый обман. Проходят годы, долготерпение истощается, долг нарастает, наконец, продадут деревни с молотка, и вы в убытке, иногда ничего не получите. Общее доверие исчезло, слово *«да будет стыдно»* устарело и изгнано вместе с *«сими»* и *«оними»*; а добрые хозяева стесняются от этого в оборотах, многие улучшения, изобретения остаются под спудом.

Бывало, гордились слыть русскими, ставили себя выше всех народов, а простолюдины думали, что иностранцы без русского хлеба перемрут с голода. Сколько добра и зла в таком предубеждении! Отечественный язык был общим, немногие говорили по-французски, по-немецки, и то по нужде, по приличию. Любили старинные обычаи; на святках клали перстни, кольца, наперстки и другие вещи на блюдо, пели хором, и содержание песен принимали за предвещание, и все это происходило и кончалось шуткою, игрой, забавой. Например, слова: *«идет кузнец из кузницы»* или *«у Спаса в Чихасах за Яузою»* означало богатство; *«скачет груздочек по ельничку»* — скорое замужество; *«стоят санки запряжены»* — отъезд, и тому подобное. Распускали олово в воду и по образовавшимся видам извлекали будущее. Сидели после полуночи за накрытым столом, гадалщица повторяла: *«Суже-*

ный мой, *приди ужинать со мной*», — и уверяли, что приглашаемый появлялся, что некоторые от страха падали в обморок. Выбегали на перекрестки толпами, спрашивали, как зовут проходящих, и по ответным именам Василия, Петра, Ивана заключали, что так будут называться мужья их. Конечно, все это смешно, если переходило за черту забавы, присвоенной известным дням, но и тут видим в них только суеверное заблуждение, во всяком случае незлобное, извинительное за простоту сердец и за силу давнего обычая. Добрая и крепкая вера на другой же день изглаживала и самые следы вчерашних заблуждений. Надобно весьма осторожно обходиться с древностию, на ней крепится сила государств. Станете истреблять обычаи, не разбирая вредных, варварских, с невинными, и выдернете вместе с плевелами хорошие корни. Рим владычествовал над всем известным тогда миром, доколе держался коренных своих учреждений. Часто малозначащие перемены влекут за собою важные происшествия.

Но теперь какая противоположность! Теперь редко в обществе услышишь русский язык: муж к жене, сын к отцу, сестра к сестре пишут по-французски, и приезжий из провинции с одним отечественным наречием покажется или немым, или иностранцем. Многие хорошо сочинят целые тома по-французски, и не сладят с резолюцией в трех строках на русской деловой бумаге. Читают французские романы, и презирают свою словесность, потому что нет в ней пещер, подземелий, убийств, привидений и позорных страстей. Но, слава Богу, читатели французских романов не составляют еще русского народонаселения, потому что сами себя добровольно исключают из него.

Вытвердили наизусть, кто была королева Бланш, Людовик XIV, Помпадур, Тюренн, Кольберт, а о Петре бессмертном, Екатерине Великой, о Долгорукове, Минине, Пожарском, Румянцове, Суворове, Потемкине имеют такие понятия, как и о Мегмет-Али, Абдель-Кедере¹⁵, Могамед-Досте, если не меньше. Все свое не нравится, говорить по-русски — как-то неловко, посещать русский театр — не в обычае, купить вещь на гостином дворе, хотя бы превосходнее, дешевле вдвое — фи! Скажите барыне, барышне, что она походит на англичанку, француженку, — улыбнется, это ей приятно, а назовите прямою россиянкою, наморщится. Что же осталось русского? — фамилии, доходы, кучера! Русские дядьки, няньки, повара и управители — давно перевелись: лишь в комедиях удостоивают — смеяться над ними. Все народы говорят по-своему, одни мы, и только мы одни, изъясняемся по-иноземному, будто не существует прекраснейший русский язык. Сомневаюсь, можно ли быть русским в душе, на-

строив себя на такой лад. О, женщины, женщины, вы всему злу виною! Не сердитесь за мою откровенность, и покрасневши, признайтесь, что это справедливо.

Бывало, любовь к отечеству признавали священной повинностью, родным чувством. Казалось совестным, неприличным отказать от нее, обрекали себя просто, без видов на поощрения от правительства служению до увечья или глубокой старости, и дворянин, еще в силах, в отставке терял уважение к себе. Галун по камзолу указывал почтенного майора, полковник был большой господин; привставали с мест, оказывали уважение украшенному звездой, т. е. честною долголетнею службою, умом и трудолюбием. Нынче вы найдете в столицах и по губерниям в отставке сотни молодых людей, которые не могут служить потому, что их *не умели понять, оценить*.

СТАРИКИ, РОДИТЕЛИ, ДЕТИ, ЮНОШИ, РОДСТВО, СВЯЗИ

Человек в преклонных годах походит на искусного мореходца, который знает фарватер жизни, мели, камни этого моря, течения и бури; он выдержал противные ветры, штормы, и безрассудно отвергли бы его опытность плывущие в первый раз, сказав: «К чему нам твои советы, мы сами все знаем без тебя!» Цицерон¹⁶ говорил: «Летописи народов открывают, что сильные государства пали от молодых людей, а другие поддерживались стариками. Дерзновенная отважность свойственна юности, а благоразумие принадлежит старости. Утверждать, что старость уже не пригодна для дел государственных то же, что и полагать, будто опытный кормчий не нужен на корабле, потому что держит руль, сидя спокойно, а молодые лазят на мачты, подбирают паруса. Но когда тело старика отдыхает, душа его действует. Важные дела совершаются не физическою крепостью и не проворством, а советами, рассуждениями. Я, Цицерон, — продолжает он, — был и воином, и консулом, и полководцем, теперь не ношу оружия, но предлагаю сенату, с кем и как воевать. Это наука многих лет: осенью собирают жатву и виноград. Да обратятся старики к минувшим заблуждениям своим и при уклоне лет да оплачут их, поищут исцеления. Настал час к тому; сильный, в светском вихре, обольститель замолк и уже не соблазняет. Они должны отстраниться от толпы обманщиков, обманутых, образумиться и готовиться к вечности».

Тогда были постепенности, различия в годах, и шестидесятилетние не стыдились лет своих, вступали в сословие стариков. Они совершенно отделялись от молодых, имели свой круг, иные занятия, забавы, даже иной покроем платья. Войдет такой распудренный в буклях, в парике и с кошельком назади, и сажает его на первое место, слушают речь его со вниманием. Некоторые из них носили локоны, бархатные сапоги, трость в руке, и с осанистым видом представляли собою лиц высшего разряда.

Теперь мало стариков, они перечислились в цех молодых и толпятся наряду с ними. Они признают старость преступлением, боятся и думать о ней и бесстыдно убавляют десятками свои года. Чернят волосы, вставляют себе зубы, наряжаются щеголями, чтобы не осталось малейшего признака обветшалости, и соперничают с недорослями в шалостях. Этот содержит актрису и играет роль селадона, другой не пропустит бала, спектакля: вертится с подагрою в вальсах, кадрилиях; — тот женился в один день со своим сыном. Исчезли подлинники, наставник и ребята под сединой — достойны презрения. Они, по моему мнению, вреднее разбойников в темном лесу: те отнимают только деньги, вещи; они напротив, способствуют порче нравов и подготавливают худых граждан.

Родителей не называли папенька; они не говорили им *ты*, не трепали по плечу и признавали их существами священными. Панибратство, приличное для равных, не у места между повелевающим и подчиненным. Всякое звание имеет свое место, свое приличие, даже наружности их различны. Вельможа в нагольном тулупе на телеге потеряет уважение к себе, солдат об руку с офицером свидетельствует безначалие. Сыновья в лентах, дочери замужние обходились с отцами, матерями с почтением, целовали руки их и не садились перед ними без позволения. Не проходило дня без свидания; придут и осведомляются, что делал отец, как провела ночь мать и кто приезжал к ним. Не предпринимали ничего без их воли; надобно ли отлучиться на два дня, переменить учителя, квартиру, купить деревню, требовали разрешения от них, и говорили: *так батюшка приказал, так матушка хочет*. Родители не заключали условий, до каких лет дети должны пребывать послушными им: *власть их не изменится временем*. Многие сыновья и по женитьбе на богатых жили при родителях; мать моя, с хорошим имуществом, оставалась вдовою более 10 лет у свекрови. Зазвонят утром к чаю, ведет с собою шестерых детей в палаты, подходит к руке свекрови, останется при ней весь день и предупреждает желания ее. Невестки, зятья не уступали сыновьям, дочерям в покорности: приезжали

в праздничные дни с семействами, и десятка два ребят шумели, бегали по комнатам; мамы, дядьки едва рысью успевали за ними. Дети свыкались, понимали родство, и утверждалось дружество между ними. Это походило на патриархальное общество, при котором искренность, любовь и согласие неразлучны. Прогневать родителей считалось преступлением; с изумлением толковали о том по всей столице. В течение полувека мне известно только два таких случая.

Сын знаменитого отца принес на него жалобу, что завладел материнским именем, проживает доходы и ничего не дает сыну. Он выиграл тяжбу и потерял доброе о себе мнение; его чуждались в обществах и не принимали в дома.

Творец Семидры¹⁷, нрава пылкого, самолюбивый, затеял тяжбу с матерью за недодачу ему при разделе имени нескольких десятин земли. Мать, уважаемая в столице, просила Екатерину Великую предать его суду за непочтение. Императрица любила, покровительствовала нашему Эврипиду, но держась твердо законов, затруднялась в таком обстоятельстве. Она рассудила примирить их и отправила двух андреевских кавалеров: князя Михаила Никитича Волконского и Петра Спиридоновича Сумарокова¹⁸. Приехали посредники, оставили виновного сына в другой комнате и убеждали мать простить его, представляя, что это угодно Государыне. Оскорбленная возражала с негодованием, что Императрица — сама мать, может судить по своим чувствам о таком поступке, и как венценосица обязана охранять веру и добрую нравственность. Наконец она, по долгом упорстве, согласилась, вбежал сын и бросился на колени пред нею. Она отвортилась и, подав руку ему, сказала: «Прощаю тебя по воле моей Государыни, удались и не показывайся впредь глазам моим». Знаменитый стихотворец искал потом случаев загладить опрометчивость свою, и что ни делал, писал со слезами, повергался, по проезде ее, на землю, кланялся с уничижением, указывал на небо и не мог умиловить раздраженную мать. Я того же семейства, часто в юности моей слышал подробности этого происшествия.

«Вот до чего мы дожили, вот плоды просвещения!» — толковали во всей Москве.

Младенчество детей вручали дядькам, мамкам и опасались упитывать нежные растения чужими, несвойственными им соками. Наставники, испытанные в честности, старались для собственной пользы образовать хороших господ для себя. «Это, сударь, стыдно!» — «Это не благопристойно, барышня!? — говорили они, — перенимайте у детей тетушки вашей. Посмотрите, какие они скромные, вежливые, не огорчайте батюшку, матушку; ведь

вы русские, не бесславьте рода своего, и поберегите нас, мы за вас отвечать будем!» Слова просты, но сильны; переведите их по-французски и признайтесь, что наемники не объясняются таким образом; напротив, они превозносят все свое, толкуют, что у них в сутках по 40 часов, вода розового цвета, что мы варвары и что всякий их крестьянин умнее, учение нашего генерала. Какая нужда им усердствовать, чтоб дети ваши были прямо русские? Цель их — ваши деньги, а не дети; завтра откланяются и перейдут в другие дома готовить полупарижан, полу-англичан.

С девяти-десяти лет передавали детей гувернерам, гувернанткам, которые только обучали; а правила, любовь к отечеству преподавали сами родители. Мы скажем о сем подробнее в своем месте.

Родство сохранялось не между одними кровными, но до четвертого, пятого колена во всей силе. «Ведь ты мне не чужой, — говорили, — бабка твоя Аксинья Федоровна была тетка моему деду, а ты крестник мне, приходите чаще к нам и рассказывайте, в чем нужда вам!» Дружный сын, однофамилец считались домашними, об них пеклись и представляя другим, просили быть милостивыми к ним. Заболеет кто из тех или других, — хлопотали, посещали, ссужали деньгами. Каждый юноша знал, к какому отделению он принадлежал, кто родственник, покровитель его, и укоренялся в чувствах любви. Целое общество, можно сказать, держалось рука за руку, и крепился состав государственный. Правнучатный брат матери моей, собираясь из деревни в Москву, писал к ней без околичностей: *сестра, приготовь мне комнаты*; — и поднимались страшные суеты: готовили флигель, мыли полы, курили, ставили мебели, и свидание походило на торжество. Встречают его с распростертыми руками, ухаживают и стараются угодить. «Не устал ли ты, братец, приляг, отдохни, не прикажешь ли чего?» И несут самовар, кофей, завтрак. «Дети, подходите, это ваш дядя!» — и гость протягивал руку нам. Теперь и родные не так близки, как были правнучатые.

СТАРЫЕ, МОЛОДЫЕ БАРЫНИ, ВДОВЫ; ОДЕЯНИЯ И УБРАНСТВА

Пожилые барыни не следовали самонравным модам, соображались со своими годами и одевались весьма скромно. Чепец, шелковое платье без выкладок, с простою отделкою и мантилья составляли их наряд. Приятно видеть их в истинном быту, и нет ничего отвратительнее женщин в подложном виде. Они не сты-

дятся с трещинами на лице выставлять засохшие свои прелести, которые, напротив, прятать бы надлежало. Кого обманывать хотят? — себя. Роза на снегу не растет. Они жалки, смешны и походят на движущийся скелет или на размалеванных чучел. Украсьте мраморными колоннами покривившееся от обветшалости здание, и более обнаружите развалины его.

Многие из тех почтенных госпож имели странные, порочные привычки. Когда они ложились спать, приходили служанки и окружали их постели. Одна, с гребнем в руке, чего-то искала, другая терла ноги, и третья повествованиями о Еруслане Лазаревиче, Бове-королевиче, Милитрисе Кирбитьевне, о Ваньке Канине усыпляла повелительницу. Сказальщица пользовалась притом наушничеством, порицала по злобе то дворецкого, то казначея и ложью приобретала благосклонность. Ремесло то было презрительно и чрезмерно опасно в чертогах царских. Иногда одно двусмысленное, насмешливое слово помрачало добрую славу и заслуги.

Еще не существовали журналы с картинками, еще не вполне предавались в подданство парижским портнихам и чепецницам. В обеих столицах было по десятку модных магазинов, не более: всякая одевала по произволу к лицу, богаче, но с меньшими издержками, чем ныне. Усядется молодая барыня в пудер-мантэле, горничная рвет бумажки, а девчонка бегаёт, раскаляет щипцы. Делали посредине головы большую квадратную буклю, будто батарею, от нее шли по сторонам косы крупные букли, словно пушки, назади шиньон, и вся прическа была не меньше полуаршина вышины, что называлось *le chien couchant* *. Употребляли пудру разных цветов, розовую, палевую, серенькую, белую, *à la vanille*, *à la fleur d'orange*, *milles fleurs* **. Госпожа держала длинную маску, с зеркальцами из слюды против глаз, и парикмахер пудрил дульцем, маленьким мехом или шелковою кистью. Некоторые имели особые шкапы, внутри пустые, в которых пудрились; барыня влезала в чулан, затворяли дверцы и благовонная пыль нежно опускалась на ее голову. Носили троки ¹⁹, наколки, тюрбаны с бриллиантами, перьями, и платья круглые, малдаван с хвостами, иные из бархата, штофа, атласа, люстрина, гродетура, гроденапля. Ко двору надевали робы, вышитые золотом, каменьями, шелками, с глазетовыми юбками, с длинными, аршина в полтора, хвостами, или русские, с рукавчиками назади. Последние стоили по тогдашней цене до 1000 рублей. К это-

* лежащая собака (фр.). — *Ред.*

** цвета ванили, цвета апельсина, тысячи цветов (фр.). — *Ред.*

му прибавляли фижмы²⁰, обшитые обручи, по аршину с боков, которые поддерживали, сжимали, опускали по желанию; вы сочли бы госпожу за бочку или шлюпку с парусами. Смешно было видеть двух таких наряженных в четвероместной карете. Они корчились; высокая прическа возносилась до империаля и огромные фижмы выставлялись из окон. Запросто выезжали в платьях из лино-батиста, тарлатана²¹, кисеи, в шляпках, чепцах, летом с зонтиком, зимою в бархатных шубах, у иных с золотыми петлицами, и с муфтами собольими или из ангора с длинною шерстью. Веер служил занятием рук, защитой от солнца, помогал скрыть смех, шепнуть словцо соседке. Ситцы, калинкорцы, миткали²², шерстяные ткани принадлежали небогатым и служанкам в знатных домах. Многие белились, румянились, сурмили брови*; налепляли мушки величиною с гривенник и маленькие, как блески, которые имели разные означения: большую у правого глаза называли тиран; крошечную на подбородке *люблю, да не вижу*, на щеке *согласие*, под носом *разлука*. Чтобы иметь понятие о тогдашних нарядах, взгляните на портреты государынь принцесс и своих бабушек, матерей.

Вдовы, даже молодые, составляли собою средний, особый разряд. Не следовали за утонченным щегольством, не употребляли в одежде ярких цветов и довольствовались скромными тосивыми, серенькими, коричневыми, лиловыми, мордоре. Они очень редко, особливо при детях, поступали во второй брак и не ослабляли тем родительской горячности. Ныне чувства, обычаи изменились, вдовы пятидесятилетние, с кучею детей, внучат выходят за третьего мужа. Однажды вечером я увидел у церкви большое освещение, много карет, вошел и был свидетелем такого торжества. Госпожа, богатая, вся в бриллиантах, хотя не была невестою, сочеталась с человеком, вдвое ее моложе, и две дочери, сами готовые под венец, стояли тут с видом невеселым; случаются свадьбы матери и дочери на одной неделе.

Девушки ходили в волосах, с гирляндами, перьями на головах, иногда с наколками, и были сердечно скромны, застенчивы, стыдливы. По одеяниям легко различали девушку от замужней, эту от вдовы.

Хотя женские убранства были тогда богаче, но не стоили и десятой доли того, что ныне. Во-первых, брали плотные, прочные ткани. Во-вторых, позволялось показываться в обществе в одном и том же платье несколько раз сряду. В-третьих, много

* Иногда от торопливости одна бровь была толще, тоньше, выше или ниже другой.

приготовляли дома, вышивали золотом, шелками, вязали филе, и носили свои полотна, чулки. Наконец, все вещи были несравненно дешевле.

Не могло это оставаться в таком положении: появились модные журналы, и барыни наши захотели походить на печатные картинки, добровольно подчинились постыдному рабству. Перестали убираться к лицу, пристойно, а как прикажут. Что ни выдумают смешного, безобразного за границую, тотчас безмолвно исполняют, и одно слово из Парижа важно, восхитительно. Дивлюсь, что нет самолюбия, нет отечественной гордости, и еще для своей пользы, чести! Чепцы, шляпы на затылках, широкие, навислые рукава как у мельников, признают за красу; меняют покрои, как башмаки. Прежде выходило на пару платья семь аршин, ныне выдумали средство употреблять тридцать. Иметь пятьдесят платьев — вещь обыкновенная; с двадцатью — сиди дома; отчаянные щеголихи издерживают на свой туалет по 30 тысяч рублей в год. Но и в самой вещи такая тьма приманок, соблазнов; почти все дома оклеены вывесками, будто обоями, не достаёт для них мест на стенах. Тут *au temple de gout* * — там *à la toilette* **; здесь *au musée de nouveautés* ***; — *au prix fixe* **** и прочее. Товары развешаны, подобраны декорациями, ввечеру освещены газом; как не войти, не купить без нужды чего-нибудь. Ведь не потребуют денег, только запишут в шнуровую книгу. Госпожи толпятся, берут, заказывают без торга, счета нарастают, и — прощай орловская, симбирская деревня. «Где ты, *ma chère*, нашла эту фишу?» — «У *madame R.*». — «Что стоит?» — «280 рублей». — *Mais c'est pour rien* *****. — «А чепец?» — «150 рублей». — «*Délicieux, magnifique* ^{6*}, завтра же куплю и то и другое!»

Поверит ли потомство, что по тысяче и более рублей платят за карманный платок, который лежит на коленях, не для носа, а для показу, как искусно вышивают в Париже и как легкомысленно и дорого покупают в России. Бедные мужья! Теперь женьитьбе — подкоп; супружество — разрушение имущества. Любопытно видеть быстрое набогачение модных торговков. Они приезжают с десятком тряпок, с сотнею франков, открывают

* в храм вкуса (фр.). — *Ред.*

** туалет (фр.). — *Ред.*

*** в музей новинок (фр.). — *Ред.*

**** по установленным ценам (фр.). — *Ред.*

***** очень дешево (фр.). — *Ред.*

^{6*} замечательно, великолепно (фр.). — *Ред.*

свои прилавки в нижних ярусах, не лучше погребов, в Гороховой, на Моховой. Чрез год они уже на Невском проспекте, в бельэтажах, с зеркальными окнами, а лет через десять благополучно отъезжают миллионщиками, пожелав нам здравого рассудка. Потом взгляните на другие введенные новости и пожимайте плечами.

В стране северной устраивают в домах, вопреки климату*, как бы в Неаполе, Риме, итальянские окна и зябнут от стужи, болеют от простуды; при 20 градусах мороза прогуливаются без шуб, в легких одеяниях, с платочком на плечах, и предпочитают показ стройности тела горячкам, чахоткам. Вы из сотни женщин не отберете десятка прямо здоровых.

Когда к числу этих странностей прибавишь еще десятые, сотые, тысячные, то право, приходишь в недоумение: уж не сговорились ли наши господа делать все наизнанку? Редкий год не ломают стен, то для галереи с колоннами, то для нового будуара. Гостиная загромождена кушетками, софами на обе стороны; на столах куколки, игрушки, рококо на несколько тысяч рублей, и комната походит на магазин, служит вывескою безрассудного тщеславия. «А часто ли здесь бывают модные собрания?» — спросите вы; два, три раза в год. Дают великолепные балы; на лестнице с бархатными коврами вы видите рощу померанцевых, лавровых деревьев и шпалерник лакеев, расставленных по ступеням. За ужином стерляди по аршину, вишен, малины в январе целые горы; повсюду превозносят похвалами такое изобилие, а того не знают, что все вещи даже до ливреи, взяты напрокат и что чудесное пиршество стоит не свыше 5 рублей, то есть цены гербового листа. В остальные 363 дни пышные чертоги пустуют, и хозяева никого не принимают. Одни мастеровые, булочники, мясники толпятся в прихожей и столовой. Уже несколько лет они продолжают такие посещения, и всегда получают одинаковые ответы: нельзя доложить барыне, нездорова; барин уехал со двора, и тысячи завтра нарастают вместе с долготерпением, процентами и новыми ссудами.

Учреждение раутов у англичан, которые имеют не более двух свободных комнат, заменяет балы, сокращает расходы, а у нас с длинными анфиладами, с небрежливостью означает безрассудное подражание. Смешно видеть толкотню на лестнице; те восходят наверх, другие спускаются вниз, будто условились изобразить в лицах «коловратности мира», и чрез четверть часа каждый гость уже в своей карете. Для чего же вся эта суета?

* Вопреки рассудку и стихиям (Чацкий).

Хозяин хочет показать недавно купленные у Гамбса мебели, что, однако, случается не один раз в году.

Прежде собирались на балы в восемь, девять часов и танцевали до рассвета. Нынче приезжают в полночь, чтоб блеснуть ловкостью, утонченным вкусом и удалиться через два часа. Полагают в этом какое-то достоинство, отличие от прочих; стоило ли труда наряжаться, платить парикмахеру и прокатиться взад и вперед. В Москве случилось странное посему происшествие. Показалась первая карета, узнала, что еще никого нет, — уехала, вторая, третья сделали то же, никто не пожаловал, и хозяева напрасно ожидали, — бал не состоялся. Молодые люди любили танцевать, теперь разойдутся по комнатам, разлягутся на софах, дамы отыскивают их, и уговоренные, будто из милости, вертятся с ними. В обществах *du bon ton* * не соображают, сколько у них поместиться может гостей; чем более голов, тем более духоты, тем лучше; и теснота, духота — лучшее тут угощение. Знакомства заводятся без большой разборчивости и справок о достоинствах души, а только о достоинствах кармана: презренный, оглашенный в бесчестье человек предложи бал, приготовь только музыку, богатый ужин, зажги сотни свеч, и наедут первостатейные господа. Пышное угощение, великолепный дом ставится выше всех достоинств знаконца. Уж не потому ли полно, что и личные свои достоинства только в этом поставляют?

Проводят целые утра в каретах, скачут из одного конца города в другой, делают визиты, — но какие? — не успеют присесть, сказать несколько слов и откланиваются — беспокоят только себя и хозяев. Выдумали визитные карточки с готическими литерами столь мелкими, что с трудом разберешь имя посетителя. Сами приберите всему этому существительное имя.

В богатых домах содержат по пяти лекарей, как бы в огромном госпитале; один для мужа, другой для барыни, третий для детей, и особые для служителей. Это тоже если бы сказали: «Мой знаменит, твой любезнее, прочие дешевле».

Летом переселяются на дачи, в ближние подмосковные, и не пользуются ни чистым воздухом, ни красами природы. Редко любят вековыми деревьями, тенистыми аллеями, — сидят с утра до вечера за бостоном, вистом. Кто не заключит из этого, что или не умеют проводить приятно время, или не имеют желаний веселиться.

Удивительная страсть к переменам означает непостоянство в мыслях. «Однако не все же достойны за это осуждения», — ска-

* хорошего тона (*фр.*). — *Ред.*

жут мне: конечно, есть и благоразумные госпожи, и сохрани Боже от повальной болезни!

РАЗРЯДЫ ДВОРЯН

Дворяне разделялись на разряды и не по силам не тянулись из одного в другой: каждый был доволен своим местом и разрядом.

Вельможи без должностей переселялись в Москву, где они сияли, как планеты между звезд. Дома их походили на дворцы, в чертогах бархаты, штофы, позолота, превосходные картины, полы из цветного паркета с коврами, у дверей дюжины официантов в галунах, буклях, шелковых чулках. Положенных дней не было, первейшие господа стекались к ним круглый год, обыкновенно стол накрывали на 20 и более приборов. Гости беседовали с именитым хозяином с великим уважением, и молодые люди при осторожном поведении научались среди них вежливости, общежитию, сердечно покорялись той нравственной зависимости, той *общественной дисциплине*, — «младший старшего почитай» — без которой рушится стройность государства, без которой нельзя быть достойным, полезным гражданином. Выедет вельможа не гулянье, в семистекольной карете, цугом, назади арап, егерь, впереди два вершника, два скорохода; ныне это показалось бы смешно, странно; тогда служило отличием, приличною принадлежностью.

Граф Петр Борисович Шереметев²³ превосходил всех своим богатством, роскошью. В Кускове его * находились драгоценности, каких не было у многих владетельных князей. Там в саду водометы, мраморные статуи, речки, киоски, Эрмитаж, обширный зверинец. Отправится он с охотой в отъездное поле — и везут в бочках за ним живых стерлядей, услуга ни в чем не изменялась. Великая Екатерина посещала его вместе с Императором Иосифом II²⁴, запросто, без приглашения, и австрийский государь изумлялся великолепию. Подают чайный прибор из чистого золота, гремят музыки, готов спектакль из своих певцов, танцовщиков, горит вензелевое имя Государыни, и освещен весь путь до Москвы. Это был наш Лукулл **.

* В Останкине было у него другое собрание редкостей, и не по остаткам ли тут оных селение так называется.

** Богатство нашего времени и близко не подходит к римскому. Лукулл издерживал на ежедневный обед до 2500 наших рублей. Однажды

Богатыми слыли имевшие до десяти тысяч рублей и свыше дохода. Они выходили из общего круга, держали более слуг, лошадей, принимали чаще гостей, чем другие, но не позволяли себе подражать вельможам. Постоянные обыватели в Москве имели собственные дома, которые переходили от одного поколения к другому, и оставаясь вроде без переделки, напоминали древность. Почти не было ни одного из них с колоннами и другими украшениями, во всем господствовала простота. Простая лестница указывала рядом кладовую с железною дверью, и две огромные сени, одни за другими, перегораживали строение. Дом в один ярус состоял из семи, восьми комнат под сводами: для хозяев спальня, кабинет; для дочерей, сыновей, сколько бы их ни было, с учителем, также по одной; столовая, гостиная, девичья дополняли комплект. Печи на столбиках муравленные, белые, синие, со впадинами, узорами и полы дощатые. В приемной софы, кресла из черной кожи с медными гвоздиками или плетеные из ремешков. Обои с грубыми разводами, петушками, человеческими лицами коричневого и с облаками зеленого цветов. Трюмо из составных стекол, окрашенные, с худой резьбою, заменяли зеркала; портреты дедов, прадедов в латах, шлемах, служили главными украшениями. В окнах мелкие переплеты, и дома походили на темные архиерейские кельи. Тогда еще не было люстр, кенкетов²⁶ и других прихотных вещей. Не было также особой прихожей; частенько босоногая девка отворяла дверь.

Не занимались рассеянностью, вели жизнь семейную, более сидели дома. Наблюдали, отец — за нравственностью детей, мать — за хозяйством, и единожды установленный порядок не нарушался. Поутру соберутся к чаю, потом расходятся: барышни — за рукоделья, мальчики — за уроки.

Обедали в полдень, и трапеза заключалась в нескольких здоровых кушаньях, без аптекарской смеси, большею частью из деревенских запасов. Выходило на остальное 50—60 копеек в день. Приедет нечаянный гость, прибавят левашники²⁷ или кисель, бутылку белого вина. После обеда, если остаются дома, сходятся вместе, разговаривают, раскидывают карты, хозяин читает печатные ведомости, отписки из деревень, а супруга вяжет чулок. Вечеру горели сальные свечи, редко ставили восковые, в десять часов ложились спать.

он, недовольный своей трапезою, сказал дворецкому: «Или ты забыл, что сегодня Лукулл обедает у Лукулла?» — Красс²⁵ говорил, что богатым может назваться тот, кто в состоянии содержать своим иждивением целую армию.

Москва славилась гостеприимством, иностранец и приезжий не имели нужды в своей ложке, тарелке: везде двери открыты, — «Милости просим, чем Бог послал!» — приезжали не к поварам, — а к самим господам.

Не дружились с целым городом, составляли общества из десятка коротких домов, не затруднялись что сказать, о чем спросить, и язык был поверенным сердца, поочередно посещали друг друга, старушки засядут в ломбер, памфил, по гривне; показалось лото — гремели мелкие монеты, кричали *амбо, терно*²⁸, *кватерно*, спорили, уличали, что не так поставлены номера. Старушки сражались в тафлеи²⁹, в пикет, или особо рассуждали. Барышни в другой комнате забавлялись в фанты: *ох, болит, сижу посижу, весь туалет*; — громкий смех не перемежался.

В дни именин, рождения кого-либо из семейства приглашали на обед родственников, приятелей; и добрый окорок, кулебяка, откормленная индейка, сладкий пирог, бланманже означали пир горой. Не пенилось шампанское, потчевали наливками, рейнвейном, английским пивом. После стола в гостинной ожидали несколько блюдец с вареньями, пастилою, грецкими орехами, с миндалем, изюмом, свежими яблоками, мочеными, и подавали кофе. В редких домах употребляли мороженое, ананасы только начали разводиться.

Раза два в год давали вечеринки или балы; зажгут в зале десяток свеч сальных; гусли или две скрипки, у кого домашних валторны, — составляли оркестр, танцевали до упаду: лишь окончат менуэты, круглые польские, начинают экосессы, английские променады, гротфатеры, алегреки, контрбунки, мани-маски, метелицы, плясали по-русски; это продолжалось до рассвета. Все веселы, хозяева не грустили об убытке, парадный вечер стоил не свыше 10 рублей; барышни справлялись, скоро ли у других именины, бал?

Дворяне с доходом до *пяти тысяч* рублей составляли *третий* разряд; но образ жизни их разнился от тех только сокращенным размером, наряды скромнее, гости не так часто, слуг, лошадей меньше, впрочем, все одно и то же.

За сими следовали состояния умеренные, и постепенность нисходила; до трех, двух тысяч нынешних ассигнационных рублей. Никто не смел выступать за свои пределы; недостаточные не гонялись за богатыми, эти за вельможами, не казались все на один покров, и не обижались своим бытом *. Оттого-то существо-

* Хозяйка не стыдилась сама выдавать столовые запасы, тащить из кладовой за спальнею мешки с крупами, крупчатою мукою, и при ней отвешивали все на безмене.

вала, если можно так сказать, разноцветность в обществе, и не было бесчестных должников, врагов семействам своим, готовых для удовлетворения роскоши даже на преступление.

Каждый из двух высших разрядов содержал у себя, как владетельный герцог, свой придворный штат. У многих жили бедные дворянки с детьми, другие гостили по неделе. Я помню, что одна из них необыкновенной толщины пришла к нам, запыхавшись от усталости и гнева. «Что сделалось тебе, Ирина Ивановна?» — спросила ее моя мать. — «Да что, сударыня, меня обидел извозчик, я хотела нанять роспуски, а он, каналья, стал рядиться: “Почем с пуда?” — будто я поклажа».

Служительницы и служители верстались должностями между собою. Мамы, няни и барские барыни занимали первые места, перед ними вставали, величали их по именам, отчествам, Анною Кузьминишною, Марьею Ерофеевною, Пелагеею Матвеевною. *Мамы* жили на покое, господа обходились с ними ласково, вежливо и позволяли им сидеть перед собою. *Няни* выдавали сахар, чай, кофе, наблюдали за хозяйством. *Барские барыни* одевали госпожу, смотрели за ее гардеробом, чистотою комнат, за горничными, выезжали с барынею по гостям, и дорогою в деревню сидели с нею в карете.

Из мужчин главными лицами были *дворецкий* и дядька сыновей, с жалованьем по 10 рублей в год; им давали еще одежду, рубашки, шубу; все прочие служители получали по 5 рублей и менее. *Казначей, парикмахер, стряпчий* брали первенство перед лакеями. Подарит барин или барыня платье со своего плеча? — почитали это за высокую награду, гордились ею, оставляли без переделки и надевали только в торжественные дни. Это равнялось с возвышением дворянина в чин или в новодворянство. Подача со стола причислялась также к отличиям. Вот какими малыми средствами умели поощрить к делам честным, похвальным. Не обидьте только, не заделите, умеете выбирать, и в полезных усердных слугах не будет недостатка. Станете раздавать дары направо, налево, без разбора, и не разберешь, кто достойнее, дворник или казначей. Были еще особые должности *стряпчего* и купчины. Первый хлопотал всякий день в присутственных местах, подавал прошения, апелляции, знакомился с секретарями; редкий помещик не имел тяжбы. Второй раза два поутру сбегает в ряды за шпильками, булавками, ленточками, за палочкой сургуча, и для копеечных закупок топтал сапоги. Все дворовые трапезничали вместе, а первостепенные отдельно от них. К Рождеству обыкновенно приходил обоз с припасами, и барыня призывала домашних поочередно для подарков. Выхо-

дили от нее кто с индейкой, гусем, кто с уткой и окороком ветчины. Один дворецкий имел свою комнату, постель и носил тонкое сукно, с галунчиком по камзолу. Дядьке давали сукно добротой ниже, всех же других одевали в сукно толстое, рубля в четыре аршин, по нынешней цене. Спали мамы, няни в детской на сундуках, скамейках, а официанты, лакеи в столовой, передней, на войлоках.

Несмотря на такое скудное содержание и на грубое обхождение, о котором мы выше сказали, они были душевно преданы господам своим: это доказывали они на самом деле. Изверг Пугачев истреблял дворян, и дымившаяся кровь их указывала следы его. Крестьяне отвозили к нему на смерть и самых любимых господ своих, говоря: «Жаль вас, да нечего делать, так батюшка (то есть злодей) приказал!» Напротив, служители увенчались бессмертием: и достойны памятника от потомства. Они укрывали их в темных лесах, пещерах, кормили милостынею, уступали им свои одеяния, обуви, и на коленях, со слезами упрашивали изверга не губить детей их, отдать в приемыши, которых возвращали потом ближним родственникам. Господа, однако, не умели ценить столь высоких подвигов и быть благодарными своим избавителям.

Служители тогда, по большей части, имели высокий рост, дородность, некоторую осанку. Придет дворецкий, и объявляя причину своего посольства, кланяется в пояс. «Меня, — говорил он, — прислал государь, мой барин (так всегда называли своих господ) к милости вашей спросить о здравии, или поздравить с днем тезоименитства вашего».

Куда девался этот род почтенных наших домочадцев? Нынешнее их поколение ни чувствами, ни наружностью, ничем не похоже на тех: тощи, малорослы, покоятся на перинах, едят вкусно, пьют кофе, чай, получают в двадцать, тридцать раз более жалованья, одеты щеголевато, ходят в театр, принимают гостей к себе. И что же! — не довольны, равнодушны, тяготятся подчиненностью и служат вам будто из милости. Прежние были прекрасные подлинники, нынешние — худые копии, полуфранты, полугоспода.

Такое же превращение последовало и во Франции. Мерсье пишет: «Старинные слуги входили в состав семейств; обращались с ними не так ласково, но оказывали им более добра, и были от них лучше услужены, на верность их полагались. В наши времена не видим этого». Не оттуда ли и к нам перешло?

Любили забавников, тунеядцев. Карлики стояли у обеда за стулом госпожи и дерзко, сердито отвечали ей. Шуты в шелко-

вых разноцветных париках, с локонами, в чужом кафтане, в камзоле по колено, передразнивали, ругали хозяев, родственников, приятелей их и уличали в худых поступках. Ужели одним шутам позволяется говорить правду? Дураки в одежде из лоскутков являли собою посрамление человечества: их дергали, толкали, мазали по губам и беспрестанно тревожили.

На экипажи не обращали ни малейшего внимания, только бы клячи были запряжены, да колеса вертелись; одна выше другой на пол-аршина, хомуты из ремешков, веревок; на козлах, по болезни кучера, сидит повар с щетинною бородою, в нагольном тулупе; назади портной, в ливрее из солдатского сукна, в картузе с платочком на шее. А на гуляньях, что за смесь берлинов, рыдванов, колымаг!³⁰ Еще не было рессор; мать моя купила к светлому воскресенью четвероместную карету на пазах за 160 рублей, и все похвалили карету. Извозчики ездили на одноколках и на волочках, из голых досок, покрытых ковром, весьма тряских.

ДЕВИЦЫ, СВАДЬБЫ, ЮНОШИ, СУПРУЖЕСТВА

Девы проводили время не лучше, как в монастырях, сидели за пядьцами или вязали кошельки, подвязки, снурки и быстро перекидывали коклюшки. Мама в очках, с чулком в руках, забавляла рассказами о красоте своей в молодости, и как старые господа порскали на охоте. Книг было очень мало, читали с жадностью «маркиза Глаголя», «арабские сказки, или тысяча и одну ночь». Матери редко брали дочерей с собою, и то к старушкам — бабушкам, тетушкам, редко также посещали их сверстницы.

Сообщество с мужчинами строго воспрещалось, они и близко не подходили к ним. Увидели бы их разговаривающих — Боже упаси! такая бы молва пронеслась... и дочь находилась безотлучно при матери.

Поступали в замужество не прежде 20, 18 лет, и женихов избирали не сами невесты, а родители. Повезут в церковь, в коротко знакомый дом, там увидятся в первый раз, молвят по несколько слов и без склонности, без сведения об уме, о нраве, достоинствах суженого вручали ему себя на всю жизнь. Гименей не советовался с любовью.

Не кидались на богатство, не променивали на него счастья детей своих и были очень разборчивы: «тот дюжинной фамилии, — этот не чиновен, — еще молод, — у того семейство не хорошо». Мало случалось неравенств в браках, мужей — два-

дцатилетних школьников; и не входило даже в мысль выйти за двоюродного, внучатого брата, дядю. Фемистокл³¹, выдавая дочь свою, сказал: *я предпочел человека без денег деньгам без человека*. Сколько встречаем княгинь, графинь в великолепных чертогах, в алмазах, жемчугах, оплакивающих знаменитость свою!

Родительская горячность и народная горделивость возбраняли россиянкам выходить за иностранцев. Возможно ли, говорили отцы и матери, чтобы мы простились навсегда с дочерью! И для чего, почему женихи наши хуже чужих? Не насчитали бы вы тогда трех таких примеров, а теперь наши отреклись от отечества, расселились по всей Европе. Это надо приписать не порче нравов, а легкомысленности, страсти ко всему новому и хладнокровному космополитству, в сущности, не существующему, невозможному.

Делали девичники, съезжались родственники, молодые подруги, и свадебные песни: *отставала лебедушка от стада лебединого — не долго веночек висел на столпике. На море купалась утица, полоскалась серая*, и тому подобные, — хором, веселили помолвленную. Такой издревле обычай означал прощальное торжество семейства, и гораздо лучше тщеславной выставки приданого.

Не было разводов в супружествах, не женились от живых жен и не расходились по разным домам. Предпочитали счастье детей неприятному своему положению и жили под одною крышею. Стыдились проповедовать о слабостях, щеголять красотою любовницы, опасались столичных суждений, и муж, покинувший жену свою, навлекал на себя бесславие. Где нет общего мнения в добром, там чистота нравов не существует.

Мужчины носили, как мы сказали, французские кафтаны, камзолы, штаны, тупеи, букли одинакие, раздвоенные в два яруса, пудрились, прятали задние волоса в шелковый кошелек, придерживаемый чрез шею черною лентою, и — всегда в башмаках. Показались фраки, жилеты, поджилетники, панталоны, сапоги с желтыми отворотами, и предпочли новый, спокойный наряд старому. Перемена та дышала равенством. После адской во Франции революции ввелись еще в моду жабо выше подбородка, остриженные головы à la Titus, à la guillotine*, лорнеты и коротенькие косы, flambeau d'amour**. Мудрая Императрица Екатерина умела без строгости искоренять порочное, она приказала будочников наряжать в сюртуки, в жабо, дать им лорнеты, полицей-

* на манер Тита, под ноль (фр.). — *Ред.*

** факел любви (фр.). — *Ред.*

ские служители подходили к франтам, щурились в стеклышки, говоря им, как товарищам: *bon jour* *, — и жабо, лорнеты исчезли. Странное дело! Прежде не было слепых, нынче большая часть худо видят.

Учтивость вполне и строго наблюдалась, привстать перед чиновным старым человеком, уступить ему место, отыскать мантилью, лакея, карету даже и незнакомой дамы, проводить ее считали обязанностью. Представлялись в общества не прямо из школы или фронта: наперед требовалось своего рода знание. При входе в комнату мужчины целовали руку хозяйки, кланялись гостям и разговаривали скромно, тихо, шутили осторожно.

Теперь смеются над этим, называют благопристойность деревенщиною, не кланяются никому и позволяют себе вольное обращение. Пусть они рассудят здраво, ужели стиснуть руку женщины, девицы — почтительнее, чем поцеловать? Ужели взглянуть на других тут посетителей, не заметить никого, кроме себя, благопристойнее поклона им... Так поступают в трактирах, где нет околичностей и где распоряжаются за свои деньги. Скажут: «что так принято всеми», но разве грубость, презрительность должны служить правилом? Как приятно встретить, хоть изредка, благовоспитанных молодых людей; они, как фениксы, отличаются в толпе. Тогда казалось, что век Людовика XIV переселился в наши столицы, а теперь за недостатком общественных образцов, хоть учреждай при училищах особые классы «для преподавания учтивости».

Юноши до 18 лет слыли «детьми» и не пользовались вольностью. Они не имели еще ни особых комнат, ни своих денег, и рубль на именины, в день рождения, составлял все богатство их. Вмешаются в разговор? Им закричат: *молчите, не ваше дело рассуждать, слушайте других*. Выдержанные таким образом, они вступали в свет робкими, неловкими, но с чувствами чистыми, и добрый корень, твердо насаженный, не засыхал в них.

В наше время сверстники их только шаг из школы, — когда страсть начинает лишь развертываться, бушевать, когда еще нужно направлять умы и сердца, — становятся полными властелинами над собою. Они при самом вступлении в свет будто обрекают себя на жизнь предосудительную. Не встретя никого на новом поприще, кто бы указал им прямой путь, присоединяются к шумным толпам подобных себе недорослей. Правила их заманчивы: не ставь никого выше себя, делай что хочешь, предпочитай веселость обязанностям. Долго ли научиться этому, и в

* добрый день (фр.). — Ред.

месяц — ученики равны учителям, почти не зависят от родителей. Все помышления заняты тем, как бы не отстать в щегольстве от товарищей; у них в кармане походный туалет: гребешок, щеточка, отрощена борода, волосы острижены в кружок, по-крестьянски, золотая цепочка через плечо, лорнет перед глазами, огонь во рту, дымят папеньку, маменьку, вот и весь запас достоинств. Для этих великих мужей преклонность лет — преступление; пред ними чины, именитость — ничто, они выше всех, они дают законы.

Не то предлагает остроумный Честерфилд³² сыну своему. «*Ищи, — говорит он, — знакомств с людьми старше и выше себя в звании, при них будешь осторожнее в речах, поступках и научишься чему-нибудь полезному*».

Лабрюйер³³ сказал: «У N. N. часы с репетицией, на мизинце бриллиантовый перстень, при бедре золотая шпага, пусть же он пришлет те вещи показать мне, а сам останется дома». Цицерон пишет так: «В доблестях не то, что в драгоценных камнях: из этих пропадет один, останутся другие; когда же потеряете *одну* из доблестей, лишитесь *всех*».

Некоторые из молодых хотят любезничать, но для этого нужны острота ума, разумное чтение, главное — умение молчать. Иногда одна улыбка, одно слово, вполовину сказанное, дают подразумевать затейливую мысль. Любезник по ремеслу, который сам первый хохочет своему повествованию, презрителен, подходит на шута.

Судя по наружности молодых людей, они счастливы, они лучшие гости в собраниях, на балах, вечеринках, в театре сидят в первом ряду кресел, знакомы со всем городом, но в нравственном отношении они жалки. У них нет прямых родных, ближних, покровителей, они сами отказались от них, живут для одних себя, и никто не принимает участия ни в счастье, ни в печали их, никто не спешит на помощь к ним. Им все пригляделось, все наскучило, и юноша в 20 лет отживает свой век, как цветок, распустившийся поутру, увядает к вечеру.

Деды, отцы были сенаторы, генералы, посланники, а внуки, дети — титулярные советники в отставке, травят зайцев и влачат жизнь в праздности. Они довольствуются знатностью своей *породы*, и достойные из купцов, церковников, мещан через способности, заслуги свои становятся начальниками князей, графов:

Будь пращур мой Катон, но то Катон, не я...

.....

Отец мой за дело имел высокий чин,
А я порочен, нуль, — совсем не дворянин*.

Но кто же виноват в этом положении их? — одни родители. Отцы отrekliсь от благоразумия, от своих лет, приписались к цеху молодых, проказят взапуски с ними, козыряют в карты, и только не ночуют в клубах. Матери — в гостях, в магазинах: шляпки, ленты занимают все их помышления. Они мечтают, что можно нанять отца и мать вместо себя и передают детей в полное попечение посторонним наставникам. Наконец торопятся отпускать сыновей на службу и предпочитают чины добрым качествам. Все это вместе причиною, что юноши неминуемо должны быть таковы, как есть.

Зато малое число молодых людей, кротких, вежливых, благовоспитанных выказываются из шумных караванов, как алмазы среди груды булыжника. Что редко, то и дорого!

РОСКОШЬ

Осторожная, простая жизнь старины не могла пребывать в одинаковом положении и постепенно изменялась. Просвещение разливалось, показались прихоти, вкус, молодые красавицы вышли из заперти, мужчины не боялись приближаться к ним, обращение сделалось живее, приятнее. Уже в домах слышалось бряцанье клавикордов, пение итальянских арий, усилилось желание веселиться. Словом, вещи ступили на точку превосходства, с которой сдвигаться бы не следовало; но к сожалению, не устояли и пошли вперед, к нынешнему, как увидим, расстройству.

Забавы расширяют сердце, радость делает его способнее к впечатлениям добра: человек становится восприимчивее к нежности, ласке, дружелюбию; жестокость нравов смягчается, грубость их стирается, недостаток забав так же вреден, как и излишество их. Но где человек, там и злоупотребления: для сердца, утратившего невинность, забавы — пагуба: оно веселится уже не от избытка внутреннего довольства и чистоты совести, а бросается в забавы лишь для того, чтоб заглушить укоризны совести, грызущую скуку, тоску. Чистому — все чисто, полезно, а нечистому все — в пагубу. Так и забавы: спартаец скучал в единообразном, монастырском обществе, был невольник под строгим надзором, действовал, как заведенная машина, и не находил удо-

* Смотри сочинения Александра Петровича Сумарокова.

вольствия в жизни, не дорожил ею. Римлянин, напротив, не сходил с площадей, с амфитеатров, своевольствовал, кричал: *panem et circenses* *, — и с развращением потерял свободу, — судья, художник, мастеровой, по трудах ищут в свободные часы развлечения, и все уж лучше находиться в театре, на гулянье, нежели в трактире и кабаке: хотя, конечно, было бы лучше все это самое очистить от злоупотреблений, облагородить благоупотреблением, и — кабак был бы так же почтен, как английский магазин: место продажи необходимого товара. Но направьте мысли граждан к непрерывным утехам, — и в семействах пренебрегут своими обязанностями, потрясется основание громады. В странах, где это есть: мода — стихия, рассеянность — закон, рассудительность — порок, религия — химера; и не велик там счет нежных родителей, добрых супругов, почтительных детей, верных друзей, хороших граждан, нет там даже — усладительных забав.

Тогда и у нас забавы были и в меру, и не противны нравственности. Театр исполинскими шагами достиг чудесной ** превосходной степени. Играли на нем трагедии Сумарокова, комедии Мольера, Детуша, Реньяра и первые русские оперы: «Мельник», «Сбитенщик» ³⁴. Осмеивали пороки, шутили, изображали остроуму ума, развязки служили поучениями, и женщины не имели надобности отворачиваться от площадных двусмысленностей, а не говорю уже, чтоб их любили. Троепольская не уступала в искусстве Клеронше, Лекуврер, и Синявская, Шушерин, неподражаемый Померанцев ³⁵ украшали сцену. Ложи были закрытые, всякий хозяин украшал свою зеркалами, мебелью, приезжали одетые запросто, не для показа нарядов, а слушать, смотреть, закрывались занавескам и пили чай, как дома.

Дворянское собрание, единственное в Европе учреждение, служило средоточием удовольствий. Великолепная обширная зала окружена с трех сторон колоннами, за ними балюстрада отделяет возвышенные площадки, где играют в карты, сидят, проходят свободно; а в середине непрерывно танцуют. Храм Терпсихоры вмещал до пяти тысяч посетителей; не пропускали положенных для собрания дней. Не входило тогда еще в обычай переменять всякий раз платье, и небогатая провинциалка стояла рядом с первою щеголихой. Статуя великой Екатерины в другой комнате будто любовалась веселостью чад своих.

* хлеба и зрелищ (*лат.*). — *Ред.*

** По тогдaшнему времени.

Маскарады были в великой чести, и не считали унижительным находиться в обществе с ассесоршами, секретаршами. Составлялись кадрили, соперничали в красоте, прогуливались мельницы, башни, визжали в странных личинах, проказили и танцевали от души до рассвета. К масленице приезжали из Петербурга гвардии офицеры, и в польских, в экосесах заключали брачные союзы. В воскресенье, на чистый понедельник, полночная труба прекращала вихрь утех и обрекала на смирение: и ему сердечно подчинялись.

Зимой учреждали катанья в санях, каждая дама в бархатной шубе с соболями или в атласной с золотыми брандбургками имела своего кавалера, лошади под фартуками украшались перьями, и арап или егерь назади держал зажженный факел. Щеголеватый караван заезжал в приятельские дома, где пили чай, ужинали.

На масленице был большой съезд к горам, вербное воскресенье служило празднеством и матерям, и детям: кареты тянулись шагом из Спасских ворот в Никольские, и в окнах сквозили алмазы, блонды³⁶ вместе с вербами; это походило на какую-то процессию.

С наступлением весны, после качелей под Новинским, начались прелестные воксалы, не уступавшие лондонским: в одной галерее давали маленькие оперетки, в другой танцевали, в саду играла музыка, ввечеру зелень освещалась разноцветными фонарями. Тень смешивалась с ярким светом, и за толпами женщин веял запах роз, жонкилей³⁷, нарциссов. Трудно придумать что-либо восхитительнее этого! Жаль, что оно прекратилось. Нынче стали хладнокровны, неохотно веселятся, не потому ли, что чувствуют себя недостойными радости, веселья.

Гулянья чередовались на *Немецком Стану* и *Марьиной роце*. Там местоположения красивы, раскинуты палатки, сидят в них отдельными обществами, подают мороженое, конфекты, молодые люди скачут верхами, купцы, мещане пируют на траве, опорожняются бутылки с пивом и дымятся самовары. Повсюду раздаются рожки, хоры песен, лес загроможден повозками. На Девичьем поле, под Донским, в Сокольниках — иного рода гуляния, и почти вся Москва выезжает на их поля.

В великий пост, когда покажутся проталины, капли с крыш, начинали собираться к отъезду из столицы. В рядах теснота, служители тащат за господами кульки, связки с покупками, на Ильинке, где никогда не бывает простора, не было проезда. Тронутся с места обозами, видишь в возках, в кибитках мелкопоместных, наваленные узлы, коробки, под ними выставляются голо-

вы, служанки размещаются то с кучером, то назади; собственные лошаденки едва движут груз. Москва пустела.

Конечно, пребывание господ в отчинах не оживляло хозяйства, земледелие оставалось в том же грубом состоянии, но происходила от того польза, что расходы сокращались и скоплялся запас денег для нового прожитка в столице. Великую бы услугу доставили нынешние дворяне и отечеству, и себе, когда бы вместо праздности полюбили свои маетности. Открылись бы со временем новые заведения, промыслы, познали б нужды поселян, помогали бы им, руководили бы их к образованию, и сами облегчились бы от долгов. Ужели шляпки, блонды, пустые забавы приятнее для сердца, чем благосостояние врученных попечению нашему! Как не иметь таких чувств! Как не желать восхищаться прелестями природы! Можно ли сравнить тысячи свеч на балах с великолепным восходом солнца? Сладкую тишину спокойствия — с шумом, суетами, и пение соловьев, заунывных пеночек — с огромными оркестрами? Там живем, в городских стенах существуем.

Доходы были скудны, продавали хлеб почти ни за что, взымали оброка по три рубля с тягла: мать моя с полутора тысячью душ не получала более 5 тысяч рублей, и долг такой же суммы считала неоплатным. Цена деревням покажется, с теперешнею, невероятною, платили по 30 и 20 рублей за ревижскую душу.

Дома в деревнях были прибраны еще хуже городских. Мебель простой работы, в иных домах голые стены, и потолки только что выбелены. Гости приезжали на несколько дней, часто спали *вповалку* на полу, хозяева кормили слуг, лошадей их, а жили весело! Жалко видеть, что ныне замки именитых мужей сиротствуют, дворы поросли травой, сады претворились в леса, киоски, оранжереи без крыш, и все носит на себе печать скорого удара молотка.

Надобно повторить, что тогда всякий знал свой «размер»: никто не выходил из своих пределов. Не гонялись с ограниченными состояниями за богатыми, постыдилась бы госпожа с сотнею крестьян показаться в блондах, и осмеяли бы супруга за ее щеголеватый наряд.

Купцы строго соблюдали прадедовские обычаи, века царя Иоанна Васильевича. Считали за грех подстричь бороду, выйти без кушака, и один из десяти умел грамоте. В крестовой, то есть гостиной комнате длинный стол, размалеванный грубыми цветами, несколько скамеек, складных стульев, лампада, теплившаяся у образов, и железные решетки в окнах составляли убранство. Сидели одни, как в карантине, имели ворота всегда на замке,

цепную собаку в конуре; пару жирных лошадей, жен такой же толщины, что служило вывескою достатка; и первостатейные жили хуже теперешних мещан. Купчихи носили кокошники, фаты, шешуны, ферязи³⁸, телогреи штофные, матрасовые, жемчужные ожерелья и алмазные серьги в ушах. Они штукатурили лица свои до того, чтобы вы издали приняли бы их за алебастровые статуи с черными зубами.

Простолюдины ходили в сермягах, лаптях; синий кафтан, коты³⁹ почитали щегольством. Они оставались в прежнем младенческом быту, не знали, что такое чай, ром, белое вино и предпочитали им сбитень, горелку. Оттого ремесла, искусства не улучшались, но при невежестве были осторожны в поступках, не смели грубить, встречаясь, посторонялись, давали дорогу и сохраняли чистоту нравов и сердечное усердие к Богу и престолу. Они вслед за нами стали развращаться.

ПЕТЕРБУРГ

Когда исполнилось мне 18 лет, меня отправили в Петербург на службу, с дядькою, поваром и тремястами рублей на годовое содержание. Наняли в *Итальянской слободке*, у солдата, две комнатки по три рубля в месяц, и три простых кушанья, в том числе молочная каша, составляли мою неприхотную трапезу. Я поспешил с письмом от матери к правнучатому дяде, который объявил, что я поручен ему и чтоб я чаще являлся.

Две столицы наши столько же непохожи между собою, как Лондон с Парижем: все в них, даже природа, различно. В Москве древние храмы, терема царские, прелестные окрестности, родовая оседлость наша. Здесь все с иголочки, с чужеземного образца, вокруг мхи, болота. Там простота, радушие, здесь утонченность, чиновность. Там более гостиных, здесь более прихожих.

Петербург изумлял меня на каждом шагу. Вот чертоги северной богини, при виде их рождается благоговение. Вот основатель чудесного города, небывалый в мире гений, скачет на гордом коне. Далее величественная Нева катит серебристые струи, из мачт представляется густой лес, еще далее несколько речек, островов, взморье. Когда ни приедешь, на утренней ли заре, при закате ли солнца, находишь серенады на шлюпках, и музыка духовая, роговая, рожки, бубны, хоры песен не умолкают. Казалось, утехы порхали по воздуху.

Я был сержантом Преображенского полка, надевал мундир с тремя галунами только в должности, в прочее время щеголял во

фраке, при двух часах, и воображал, что дочери каретников, сапожников, выглядывая из окон, влюблялись в белое мое личико.

Денег у меня, за расходом на стол, платье, чай, кофей, сахар, прачке, оставалось довольно, и как нельзя усмотреть за повесою, я разъезжал на извозчиках, катался по воде, посещал, кого бы не следовало и гнул уголки на тузах и пятерках. Имя мое сделалось известным в трактирах и редко оно, написанное мелом, сходило со стены. Однако я походил на выпущенную из клетки птичку, которая расправляя крылья, не понимает, что нить привязана к ее ножке. «Уймитесь, сударь, — говорил дядька, — напишу к матушке!» Ментор требовал отчета, где я был, что делал, и часто журил. Какая разница с положением нынешних молодых людей!

В один день подали мне записку, что я наряжен в полковой караул: новость та и порадовала меня, и устрашила: не знаю, что такое фронт, как шагнуть и куда поворотиться. Офицер был также рекрут*, на днях только выпущенный из камер-пажей. Мы путали развод; капитан поправлял ошибки, и мы кое-как спустили с рук дело. Приставили ружья, я вошел в караульную, где атмосфера была не благовонна, солдаты разлеглись по нарам, крысы ползали по спинам их и лакомились салом, пудрою с буколь. Я, боясь этих животных, спешил выйти в сени, и услышал слова: *пожалуйте к офицеру*. «Останьтесь при мне и пообедайте со мною», — сказал он ласково, прохаживаясь взад и вперед. Я стоял вытянувшись, кланялся и признавал то за великую честь.

Мне нравилось чинопочитание: встретятся офицеры во фраках, и младшие снимают шляпы перед старшими, не сядут за обедом выше их, это входило в обязанность, в правило.

Семь лет, срок ужасный по-нынешнему, продолжалось мое унтер-офицерство, которым я не тяготился. Я имел много свободного времени, в домах принимали меня благородно, и сверх того, я часто находился в отпусках.

Наконец, произвели меня в прапорщики. Не могу выразить тогдашнее мое восхищение! Офицер гвардии, чин лестный, лицо, заметное в столице. Я имел свободный вход во дворец, к вельможам, послам, и стали приглашать меня на балы, вечеринки. В первый раз, как я надел новый мундир, почти не отходил от зеркала, и дядька любовался мною. О! Гвардии офицер! Повторю, был, по мнению моему, уже барин.

Я вступил в новую жизнь, размер хозяйства моего изменился, и я всматривался, вслушивался, дополнял свое воспитание.

* То был известный генерал, Дмитрий Сергеевич Дохтуров⁴⁰.

Чтоб посещать дома знатных, надлежало научиться светскости, вежливости и не казаться застенчивым, неловким.

Тогдашние вельможи были большею частию дети тех прославившихся мужей, которые гремели заслугами при Петре Великом. Они получали в наследство от них высокие качества, и примеры, как прилично стоять в высшей чреде. Не меряли себя саженью, других вершками, и дорожили собой более, чем титулами. Они умели служить без уклонения, сохранять звание свое, обходиться без гордости, не всегда такать, говорить правду, и были прямые бояре; пользовались общим уважением. Не занимали денег на обманные сроки, считали заклад имения за стыд, продажу — за посрамление имени своего и тем сберегалось достояние предков. Долги при 10, 15 тысячах крестьян редко превосходили 50, 70 тысяч рублей.

Молодые люди искали случаев получить позволение на вход в дома их и ставили то за большую честь. Но не знакомились, как ныне, по одному желанию искателя: справлялись, кто представляемый? Какого он поведения? И к вступлению к ним надлежало пройти прежде чрез руки женщин, находиться в их школе. Они, хорошо воспитанные, наученные, славились приятным обхождением, переселили к нам любезность века Людовика XIV, — и парижанки, супруги лордов, уступали им в том преимущество. В их-то обществах молодые люди довершали светское образование и отличались от тех, которые не участвовали в них. О! Женщины имеют волшебную власть над умами, действиями нашими: мы танцуем по их музыке, и по мужчинам можно безошибочно судить, каковы женщины. Один их взгляд, одно полуслово воздержит от дерзких, грубых поступков, и послабление — единственную причину неуважения к ним.

Погрешительно некоторые полагают, будто великие люди появляются временами. Это то же, если бы сказали, что розы, лилии, жонкилы растут и благоухают не каждый год. Разверните летописи и уверитесь, что они были во всяком столетии; правда, для них потребна особая почва, притом, они, как алмазы, яхонты, не показываются на поверхности, и надобно порыть в земле, да после огранить, оправить — вот и заблестят; без того так и схоронятся «в земле», а есть-то они есть.

Знатный человек и великий человек совершенно различны между собою, один театральное, другой подлинное лицо. Знатных тысячи, у них отцы были графы, князья, у них великолепные палаты, отличные повара, они дают праздники, балы, забавляют общества, и более этого не требуют от них.

Великих людей природа скупо производит, и список их не обширен. Им нужны не одно богатство, порода, чины, титулы, — а ум, способности, любовь к отечеству, чистое сердце, чистые руки и умение говорить правду. Гордящиеся одним званием смотрят будто с башни на других, считают себя полубогами, и сами выказывают ничтожество свое. Правда, им кланяются, уступают дорогу, но внутренне презирают; а тех сердечно почитают: «Что вы сделали?» — спрашивают такого. — «Я управлял важною частию, начальствовал там-то». — «Но вы подписывали только номера, затеснили ими шкапы, которые, вместе с именами вашими, покрываются пылью. Вы похожи на блуждающие в небе огни, которые блестят и померкают, ниспадая с высоты».

Гордость всегда смешана с подлостью, и обиженный дарованиями укрывается под сановитостью своею и стыдится выставить себя наружу. Потому он представляется нам в двух личинах: сатрапа и униженного ласкателя. Такого можно еще уподобить ткани, у которой утök бумажный, а основа посконная, или земноводным, живущим в двух стихиях.

Гордец и при строгой честности, при редких достоинствах как начальник, вреден; как равный — несносен и как подчиненный — никуда не годен. Какое же право имеет он на уважение? Ужели по одному тому, что живет в великолепных палатах, ест на золоте, серебре и окружен толпою прислужников? По чести, высокие чины без заслуг, без чувств к человечеству, служат лишь позорными клеймами.

Вельможи жили пышно, и чертоги их без куколок, безделушек дорогой цены и без дюжины кушеток односторонних, навыворот, как в магазинах, ходили на дворцы в малом размере. Все там дышало великолепием, и хозяева составляли собою лучшее украшение. Всякий день обеды, балы, поочередно, у принца Нассау, фельдмаршала графа Разумовского, обер-камергера князя Голицына, вице-канцлера Остермана, у графов: Строганова, Салтыкова, Панина, Шувалова, Чернышева, Брюса, Нарышкиных⁴¹ и других. Иностранные министры: австрийский — Кобенцель, французский — Сегюр, португальский — Орта⁴² давали концерты, благородные спектакли, а барыни, девицы уставали от веселостей, танцев.

Ко двору съезжались знатные особы, также всякий день к обеду и на вечер, и Екатерина Великая играла в карты с ними, рассуждала о политических делах, об открытиях и новых сочинениях. В праздничные дни все являлись в богатых французских кафтанах, вышитых золотом, шелками, каменьями, со стразовыми, золотыми пуговицами, в кружевных манжетах, башмаках.

В неделю один раз — Большой Эрмитаж; приглашали иностранных министров, генералов, сенаторов, придворных с семействами; статс-дам, фрейлин, до двухсот человек. Средние Эрмитажи составлялись из ограниченного числа, а в малых участвовали не более двадцати самых приближенных. Комнаты оставались с обыкновенным освещением, в оркестре сидели три, четыре виртуоза и играли пиесы русские, сочиненные Императрицею, Храповицким⁴³ и другими, французские оригинальные и писанные Кобенцелем, Сегюром. Это служило домашнею забавою.

Театр сначала находился при дворе, давали представления по два раза в неделю, и вход в него имели не ниже титулярного советника. Потом обратили его в публичный, с платою, по одному рублю. — Кресел еще не было. Все первейшие таланты в Европе, как бы привлекаемые некою силою, поселялись в Петербурге. Сарти, Чимароза, Виотти, Паезиелло, Мартини⁴⁴ управляли оркестром, сочиняли музыку. Офрен, любимец Вольтера⁴⁵, Флоридор, Бурде, Фастье, Дельпи, госпожи: Гюс, Сюзета, какие едва ли были в Париже — для французской сцены. Дмитревский, Волков, Шумский, Крутицкий, Черников, Сандунов, Воробьев, гении редкие, и Елизавета Федоровна — в трагедиях, Авдотья Михайловна Михайлова⁴⁶ украшали русскую сцену. Маркизи, Тоди, Мара, Мажолетти, которые поныне остаются именитыми — для италийской оперы. Пик, Розетти, госпожи: Росси, Санти, Колосова⁴⁷ — для балетов. Имя каждого из них отзывается славою, зачисляет эпоху. Давали трагедии: русские — Сумарокова, французские — Корнеля, Расина, Вольтера; комедии оригинальные и переводные — Мольера, Детуша, Реньяра, оперы Моцарта и прочих первостатейных авторов; фарсы, водевили были неизвестны, и сказанные гении имели случаи высказать превосходные свои дарования. Содержания балетов были или исторические, или баснословные, известные зрителям.

Маскарады у Лиона очень нравились, собирали до двух тысяч человек.

Английские балы составлялись из лучшего общества, по подписке, с платою по 25 рублей за пять балов, с питьем, конфектами. Посторонние не имели входа.

Клубы дворянский, танцевальный, два танц-клуба, английский, американский, мещанский, карточный, для чтения и соединенный.

Красный кабачок привлекал к себе множество посетителей, сговаривались туда обществами есть отличные вафли, пить мед, и кареты ландо сменились.

Петербург заключен в болотистом, топком месте; но лишь 15, 10 верст в стороны, и уже являлись чистый небосклон, приятные возвышения, которые очевидно свидетельствуют, что служили берегами и что столица занимает обсохшее дно моря. Оттого близкие гуляния не доставляют приятности. Кружатся в Екатерингофе среди соснового леса, иногда по причине холодной погоды сидят укутанные в шубах, в теплых капотах: и предметы томны, единообразны. Какая разница с московскими окрестностями! Далее, где природа оставляет жестокость мачехи и превращается в нежную мать, встречаем великолепные царские дворцы. Стрельна господствует над морем и ведет к чертогам бессмертного Петра. Петергоф также на горе и над морем, располагает к сладостному уединению. Все безмолвствует, отзывается сиротством, и только шум от славного водомета из челюстей льва прерывает мертвую тишину, дарит жизнь. Там катится по золотым ступеням вода, в отдалении синее море, видны корабли, и волны, омывая скромный Монплеизир, оглашают, что в нем жил не человек, не полубог, а беспримерный Петр.

Царское Село, летнее местопребывание другого благодетельного гения, Великой Екатерины, услаждает чувства, возвышает дух. Дворец блестит снаружи золотом, роскошная колоннада, покатыстый на колоннах сход, луга, речки,obelisks, мраморные мосты, пригорки, острова соединяют богатство со вкусом, придают украшение природе. Одно лицемерие северной богини уже рождало веселость и содействовало Царское Село восхитительным.

Каким же образом, спросят, тогда с доходами в десять раз менее нынешних, одевались богаче, жили роскошнее и наслаждались множеством удовольствий? Ответ готов: — не ломали часто стен в домах, не меняли беспрестанно нарядов, не покупали пустых, ненужных вещей, соображались со средствами, знали счет, боялись делать долги, дорожили своею честью; наконец, дешевизна, едва ли не баснословная ныне, много способствовала тому. Представим некоторые цены из верных источников.

Первый в столице дом графа Шереметева на Фонтанке княгиня Наталья Петровна Голицына⁴⁸ нанимала за 4 тысячи рублей в год, и все находили плату чрезмерно дорогою.

Хорошая квартира, из 7, 8 комнат на больших улицах стоила 30 и 25 рублей в месяц.

Купить такой дом можно было за 9, 8 тысяч рублей.

Куль ржаной муки 2 р.

Фунт говядины 2 и 1 ¹/₂ к.

Полтеленка 1 р.

Индейка живая	33 к.
Гусь живой	25 к.
Курица	6 и 5 к.
Десяток яиц	2 к.
Коровьего масла пуд	2 р.
Восковых свеч пуд	7 и 6 р.
Сальных	2 р. 50 к.
Овса четверть	80 к.
Сена пуд	4 и 3 к.
Березовых дров сажень	90 и 70 к.
Сахару пуд	8 р.
Кофею пуд	8 р.
Фунт чаю лучшего	2 р. 50 к.
Маюкона	1 р. 20 к. и 1 р.
Хлеб белый, не менее полфунта весом . .	2 к.
Бутылка шампанского	1 р. 50 к.
Рейнвейна хорошего	60 к.
столового	25 к.
Английского портера	25 к.
московского пива	2 к.
рому хорошего	50 к.
Штоф сладкой водки	50 и 45 к.
Десяток тонкокожих апельсинов	25 к.
Лимонов десяток	3 к.
Готовый гвардии офицерский мундир с галуном	60 и 80 р.
Готовый фрак	25 р.
Лучшего английского сукна аршин	4 р.
Чулки шелковые	2 р. 50 к.
Сапоги	2 р.
Башмаки	1 р.
Карета из Англии	350 р.
Наемная карета с четверкою лошадей в месяц	60 р.
Наемному слуге в месяц	3 р.
На харч своему слуге в месяц	1 р. 20 к.
Одежда слуги	20 р.
Обед в первом трактире с десертом	1 р.
Вход в театр	1 р.

Гвардии офицер с доходом 2000 рублей ездил в карете, имел у себя порядочный стол, а с 4 тысячами рублей мог жить очень хорошо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Показанные цены стали возвышаться, и вместе с тем, что непонятно, и роскошь распространялась и дошла до степени, изумляющей всю Европу. Аристотель⁴⁹ говорит, что роскошь нравится только женщинам, детям и невольникам. Заключение его было справедливо относительно римлян, которые платили для своего стола за птицу, рыбу чуждых стран по золотому таланту, то есть до тысячи рублей на наши деньги.

Мы не такие богатые, не уступаем им в ином, в другом превосходим, и было бы чему похохотать Демокриту или о чем поплакать Гераклиту⁵⁰.

Роскоши различны, прежняя, не подрывая состояний, приличествовала пышности тогдашнего двора, служила отсветом его сияния и живила торговлю, художества, ремесла. — Нынешняя походит на реку, выступившую из берегов, лучше же сказать, на повальную болезнь, одержимые ею бредят и не помнят, что делают.

Когда роскошь останавливается, не растет более, есть надежда на исправление, но если час от часу умножается и входит в общее правило, перелом к улучшению безнадежен. Тогда зараза та смертельна.

Нет соображений, осторожности, отчетливости, и кажется, что почти все ударились об заклад, кто скорее разорится. Обольщаются настоящим, не помышляют о будущем, живут не для себя, а напоказ, и с завязанными глазами бегут к пропасти. Женщины, как выше сказано, не щадят карманов мужей, берут из магазинов кучи мелочей — без торга, без нужды, всякая хочет показаться картинкою. Худо одетых или не по моде, будь они ученые, с первыми достоинствами, не пригласят на бал, на обед.

Щеголихи, настроенные на высокий лад, приезжают всюду не вовремя в церковь — к концу обедни, в театр — в половину представления, на бал — в полночь. Они считают это за отличие и, скучая дома, не тронутся с места до предположенного ими часа. Я видел разительный, смешной пример. Давали оперу, и одна славная певица играла в ней. Все заранее восхищались, кричали: *она поет чудесно, как ангел*, все собирались в театр: пробило 7 часов, и ложи первого яруса пусты. Уже половина осьмого, в партере громкая хлопотня; начали съезжаться, к удивлению, это продолжалось до 9 часов, некоторые подоспели даже к третьему действию — вот чем ознаменовалось страстное ожидание насладиться превосходным пением! И это для поддержания безрассудной славы приезжать позднее других.

Что приятнее семейной жизни при согласии и несноснее при раздорах супругов? Отчего же они ищут рассеянности, лучше сказать — средства сбыть с рук время? Вы редко найдете после обеда их дома, мужья в клубе, жены в магазинах или в гостях, дети остаются с гувернерами, нянями; занимаются ими только мимоходом, когда свободны от карт или нарядов.

Как женщины наши занимаются только чтением пустых, часто опасных французских романов, и разговаривать в беседах было бы, кроме пересудов, не о чем, то карты прежде заменяли ученость, политику и служили необходимым занятием. Ныне составилось из этого ремесло, расплодилось записные игроки, имеют свои цехи, биржи и отыскивают прибыльных товарищей, как извозчики седоков. В чертогах их лучшее украшение четыре масти, и первое достоинство — книжка с ассигнациями. Тысячные в них пользуются уважением, мелочные подходят к ним при спорах, казусах на суд, и без них пусто, как без музыкантов, не состоится ни один бал. Сколько таких, отъезжающих из собрания налегке к банкротству! Сколько готовится запрещений для Гражданской Палаты и слез по домам! Проигравшийся возвращается за полночь, на рассвете, с опустелою казною, с прискорбною душою, служители дремлют на стульях, супруга просыпалась несколько раз, и он на цыпках прокрадывается к ней в спальню. Поутру скачет по городу занять денег. Закладывает женино ожерелье, опять проигрывает и запутывается в долгах. Одна знатная госпожа сообщила мне, какое употребила она средство при таком случае с мужем своим. Придумала не ложиться спать, дожидаться его, супруг совестился, тревожился, она продолжала делать то, и страсть к ней преодолела другую — к картам, он перестал играть.

К этому присовокупляется еще главнейшее зло: некоторые вельможи пускаются козырять с людьми ничтожными, только бы играли по 500, по 300 рублей роббер. Титулярные советники неосторожно упрекают их в ошибках и с четверьям онерами в руках ставят себя выше их. От сего рождается панибратство, связи, покровительства недостойным, и чины, звезды теряют ценность.

При чрезмерной роскоши и пустых прихотях придумали еще средство скорее разорять себя. Предпочитают дорогое дешевому, хотя бы после нее не уступало тому в прочности и доброте. В гостином дворе вещь стоит рубль, в магазинах же — вдвое, и возьмут у иностранца, русскому, мастеровому не дают работы, отыщут француза, немца. Русский, говорят, не так хорошо делает; правда, но оттого, что вы противно общему правилу свое-

му отказываете ему в хорошей цене: заплатите порядочно и будете довольны.

Все русское, повторим еще, в презрении! Говорят отечественным наречием, будто из милости, и то пополам с французским.

В домах нет хозяйства, ни за чем не смотрят, скажет дворецкий «*Вышло!*» — и дело кончено. Один знатный господин хотел попотчевать меня столетним венгерским, велел подать, и донесли, что оно израсходовано. Тут же за столом он взглянул на старинную табакерку, сказал, что подарит мне еще древнее моей, деда своего, и по справке оказалось — также *израсходована*.

Сияются вылезть из своей кожи, даже слагают с себя прежние, прямые имена свои, и принимают новые. Старуха подделывается под молодую, бедный гоняется за богатым, школьник тянется в мудрецы, ломает без пощады философию, словесность, историю, как дитя карточный домик, и так далее. Стали называться мозольный мастер — оператором, фершал, зубной дергач — дантистом, актер — артистом, русская торговка — мадамою, винный погреб — депо, квартира зубного врача — зубоврачебным кабинетом и лавка — магазином.

Нет денег на харч людям, забирают припасы в мелочных лавочках и дают обеды в несколько тысяч рублей. На столе стерляди в аршины, редких плодов горы, шампанского разливанное море. А завтра? Завтра иной расход, только уже не деньгам, а совести. Передняя полна незваных гостей с расписками, и Луккулы прячутся, не краснея, обманывают и продолжают роскошествовать на чужой счет.

«Ну, пир отличный, какое довольство во всем, какой вкус!» — громкая похвала переходит их одного дома в другой, и хозяин, человек презренный по всем отношениям, входит в разряд дю бон тон. Другие хотят прославиться тем же, и круговая роскошь прогоняет честь.

Смешно видеть нынешние балы на два часа. Съезжаются в полночь, и после двух, трех кадрилей, нескольких вальсов, когда еще не успели разнести мороженое, конфекты — галерея пуста. Убытку много, веселья мало, и не стоило затевать блистательное угощение.

Такие для одной роскоши собрания истребили только приятельские обеды. Бывало, проводили время в сердечной простоте, с удовольствием. Теперь нельзя пригласить пять, шесть человек без трюфелей, гребешков, без шато-лафит, кремана и без расхода ста рублей. Оттого не найдете в столицах двадцати открытых домов, где можно обедать без зова, а «милости просят»

ввечеру на преферансы, на вист. Как согласить эту страсть с расточительностью!

Многие с огромными маетностями, после балов, иллюминаций переселились из пышных чертогов в униженные домики в Колтовской, в Коломне, и старики в 70 лет, с высокими чинами, находятся под опекою, наравне с умалишенными и малолетними. Надобно еще заметить, что некоторые, имев по 20 тысяч крестьян, без роскоши, без мотовства в карты нашли средство впасть в нищету. Другие носят только титулы богачей, долги превосходят имущества. Стерляди скушаны, шампанское выпито, управители нажились, и никто не жалеет о господах.

При таком жалком заблуждении и вихре праздности, беспорядков, когда со всех сторон подрываются состояния, несправедливо было бы требовать от молодых людей благоразумной жизни. Они, как челны, несутся по течению воды, следуют за стремлением многолюдства и делают то, что принято, одобрено и что заменяет достоинство.

Нравится пение в обществах, и познания, добрая нравственность в сторону, поют тенором, басом: *C'est un talent! C'est un genie!* * — кричат везде; а что он худого поведения и невежа, никто не говорит. Горло заглушает ум и служит аттестатом к хорошей женитьбе.

Девицы любят забавников и из них выбирают мужей себе, молодые мужчины усядутся вокруг их и многоглагольствуют без отдыха. Искусство не трудно, есть на то словарь, и разговоры в нем для всех одинаковые, вытвержены наизусть.

Например: «*Votre santé est bonne?*» ** — «Как вчера Аллан чудесно играла?» — «*Le temps est mauvais*» ***. — «Вы не были вчера на бале?» — «Княжна Б. прекрасна, как ангел» и тому подобное. Простачок, не выходя только из границ таких разговоров, прослышет умным, любезным.

Щегольство с разорением вошло в моду, в необходимость, и молодые люди без соображений о будущем ищут отличиться наружностью. Тесно, унижительно юноше жить в трех комнатах, не на главной улице, — нанимает целый ярус на Невском, в Большой Морской, покупает дорогие мебели. Проходит год, не платит; хозяин ссылает его с квартиры, уступает за нажитое, еще дает денег на переезд, и он перебирается в другой дом, для ново-

* Это талант! Это гений! (фр.). — Ред.

** Как ваше здоровье? (фр.). — Ред.

*** Плохая погода (фр.). — Ред.

го обмана. Не может прокормить одну лошадь, и разъезжает в карете четвернею, на том же основании.

Подражают странностям, новизнам без рассуждения. Покажутся два шалуна в Париже в сюртуках по колено, с воротниками на шинелях в полсажени, в пестрых платочках на шее, и вдруг увидите толпы франтов в заграничном наряде, будто в ливрее.

В старину не хвастали худым зрением, напротив, скрывали природный недостаток, нынче просят в незрячие. Семнадцатилетние мальчишки щурятся в лорнеты, и самозванство сначала портит глаза, потом претворяется в прямую слепоту. И для чего? Чтоб занять руки, иметь причину, по близорукости, не кланяться — почитают неким отличием глядеть не как другие. К дополнению глупостей переняли отращивать бороды, носить волосы в кружок, по примеру наших крестьян: можно бы найти у крестьян что-нибудь получше, тупея для подражания: их простоту нравов и богобоязнь. Кто в последствии времени поверит, что, проповедуя о просвещении, бегом бегут к невежеству. Говорят, что то спокойнее, но в халате и туфлях еще спокойнее.

Лет тридцать назад немногие из русских курили табак, теперь и старики, и молодые дымят и встречных, и поперечных, и конечно, у двух из десяти не светится огонь во рту. Сигарки вошли в такое употребление, что в Петербурге продавцов их не менее булочников, но удивительнее всего, и дамы наши испускают пламя, только не из сердец, а из прелестных губ. Да какое, разяют, в том худо? — Да никакого, а только не все прилично женщине, что сносно в мужчине. Воскресите их бабушек, матерей, и они пожали бы плечами.

Сказанное нами сопрягается с великими расходами, и молодые люди, поступя далеко, уже не могут остановиться, умерить свою разгульную жизнь. Как после хорошего экипажа ездить на дрожках, в санях, как после передних кресел в театре вдруг очутиться назади? Наконец, можно ли не следовать поступкам товарищей и, привыкнув к роскоши, отказывать себе во всем? — Что скажут о них в публике? Скромность была бы не вовремя, надобно продолжать и вступать в долги, с прибавлением двадцати, тридцати процентов. Прекратятся те средства? Обманывают лавочников, мастеровых, наконец, попадают в руки аферистов или деловых людей. Сии злобные змеи высасывают из них последнюю кровь. Они дают им вместо монет полосное железо, кипы сукон, бочки столового вина, духи, ликеры, сахару, кофею возами, в пять, шесть раз дороже. Несчастные, чтоб иметь сколько-нибудь наличных денег, уступают рубль за гривну, и один

взял английских хлыстиков на десять тысяч рублей, а продал за полторы тысячи. Долги возрастают, будущее состояние подрывается, и доброе имя помрачается.

А кто виноват в том, повторим вопрос? — Родители.

Самые забавы совершенно изменились. Театр замолк в поучениях, нынешние писатели, заграничные, не имея высоких дарований своих предшественников, сговариваются по два, по три и выпускают пиесы сотнями, не для славы, как то было, а для денег. И что еще? Вы видите владетельного князя на коленях перед рыбаком, простолюдина великодушнее, добродетельнее вельможи, диявола, оказывающего чудеса, и слышите в стороне церковное служение; видите измены, бунты, убийство, постыдные страсти и то, что скрывают в спальнях. Замужние госпожи улыбаются, девицы краснеют, потупляют глаза, а недоросли не щадят ладоней, стучат ногами, *et la piece est charmant, delicieuse* *. Не чувствуют они, что глотают яд. Бессмертный Мольер терпел недостатки в жизни, а Скриб⁵¹ собрал великое богатство. Вместо опер с прелестною музыкою Моцарта, Чимарозы, Пасчелло, Спонтини⁵² дают ярмарочные водевили. В танцах просто прогуливаются, как по бульвару, по Английской набережной. Предпочитают романсы, ноктюрны итальянским сладостным ариям. О русских и говорить нечего. А в чем заключается чтение? Во французских романах, ложных анекдотах, повестях. Ругают нас, русских, выдумывают небылицы, и читательницы, без того упитанные чужеземными мыслями, еще более отвращаются от всего отечественного. Какое заблуждение! Какой вкус!

Роскошь дворян спустилась к низшим сословиям, исказила нравы их. Дочь отпущенной на волю служанки моей пригласила меня быть ее посаженным отцом. Невеста в белом шелковом платье, с гирляндю цветов на голове, перед молодыми — конфеты, варенья, плоды; и дюжины горничных танцевали французские кадрили, вальсировали.

Случилось мне также быть на крестьянской богатой свадьбе и еще превосходнее той. Новобрачная, вчера в сарафане, по требованию жениха своей же слободы, переделалась в щегольской наряд барыни, бриллиантовые серьги, шаль в тысячу рублей. Подруги ее танцевали под гитару, играли потом в фанты, часто потчевали гостей шампанским, и пред домом горели плошки. Помещик с сотнею крестьян не лучше этого даст пир.

Вот слабый очерк того, что видел, помню и что слышал от моих родных старожил. Я был молод, весел, и все представ-

* а пьеса превосходная, замечательная (фр.). — *Ред.*

лялось мне в розовом свете. Теперь я стар, мрачен, устал думать, размышлять, чувства заржавели, живу только в прошедшем и вспоминаю его, как сладкий сон.

Но не скажут, однако, что изложенное мною есть сатира на всех и чистая брань, нет, напротив, любовь к моим согражданам и усердное им приношение. Я исключаю благоразумных; к счастью, еще много таких осталось: и обличаю лишь зараженных пустыми наружностями, к своей гибели. Прощайте.

1841

